

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО
СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ПРИМОВ И ДРУГИЕ против РОССИИ

(Жалоба № 17391/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

12 июня 2014 г.

*Настоящее постановление вступило в силу 13 октября 2014 г. в порядке,
установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции.
Может быть подвергнуто редакционной правке.*

По делу "Примов и другие против России",
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:
Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,
Ханлар Гаджиев,
Пауло Пинто де Альбукерке,
Линос-Александр Сисильянос,
Эрик Мос,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя заседание 20 мая 2014 г. за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по жалобе (№17391/06) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от граждан Нияза Джанлатовича Примова, Насира Джанлатовича Джавадова, и Буняма Аскеровича Аскерова, 1957, 1962 и 1953 годов рождения, соответственно (далее - "заявители"). Жалоба была подана 3 мая 2006 года.

2. Интересы заявителей в суде представляли Костромина и Михайлова, адвокаты, практикующие в г. Москва. Интересы властей Российской Федерации (далее - "Власти") представлял г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители, в частности, утверждали, что запрет митинга 25 апреля 2006 года, его насильственный разгон и задержание троих заявителей являлись нарушением их прав по статьям 10 и 11 Конвенции. Они также ссылались на статью 5 в отношении их задержания.

4. 5 мая 2010 года данная жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Отказ районной администрации от 17 апреля 2006 года разрешить проведение митинга в селе Усухчай, намеченного на 25 апреля 2006 года

5. 10 апреля 2006 г. группа из семи человек, проживающих в Докузпаринском районе Дагестана (горном районе, примыкающем к границе с Азербайджаном), направила районным властям письменное уведомление, информирующее их о том, что 25 апреля 2006 г. они проведут публичное мероприятие в форме митинга в селе Усухчай. Имена заявителей отсутствовали в списке организаторов митинга. Основными целями митинга были критика работы главы местной администрации А., осуждение коррупции и неправомерного использования государственных средств местной администрацией, а также привлечение внимания к факту бездействия правоохранительных органов в отношении незаконных действий со стороны А. и его коллег. Митинг должен был проводиться в парке отдыха в селе Усухчай с 11 до 17 часов; ожидаемое число участников было 5 000 человек. Организаторы просили милицию направить своих сотрудников для охраны лиц, участвующих в митинге. Несмотря на то, что имен заявителей в уведомлении указано не было, они утверждают, что играли активную роль в организации этого митинга в своих населенных пунктах.

6. Уведомление о проведении публичного мероприятия было направлено в районную администрацию, с копиями прокурору Докузпаринского района и начальнику РОВД. Заявители представили копию платежной квитанции из почтового отделения в Махачкале, свидетельствующую об отправке уведомления заказным письмом 10 апреля 2006 года. Из документов, представленных Властями, следует, что уведомление было получено районной администрацией 17 апреля 2006 года.

7. 17 апреля глава районной администрации А. (лицо, которое являлось основной мишенью критики демонстрантов) сообщил организаторам об отказе районной администрации в согласовании времени и места проведения публичного мероприятия. В письме от 17 апреля 2006 года А. заявил, что, во-первых, уведомление было подано с нарушением сроков, указанных в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Во-вторых, парк отдыха в селе Усухчай не мог вместить более 500 человек, поэтому проведение там митинга было невозможно. В-третьих, целью

митинга являлось осуждение хищения бюджетных средств и намеренное уничтожение финансовой документации районной администрацией. Однако по утверждению А., компетентные правоохранительные органы, в частности, прокуратура, а также финансовые учреждения, такие как Министерство финансов Дагестана уже расследовали указанные утверждения и пришли к выводу об отсутствии оснований для привлечения к ответственности. Письмо также содержало предупреждение, адресованное организаторам, о том, что в случае проведения митинга они будут привлечены к ответственности по закону.

В. События 19 апреля 2006 года в селах Камсумкент и Хив, задержание второго заявителя

8. Около 16.00 19 апреля 2006 года группа лиц, вооруженных железными прутьями и палками, напала на другую группу лиц около села Хив. Двое участников получили травмы. После получения информации о столкновении милиция Дербента направила группу сотрудников на место событий. Милиция установила самодельный контрольно-пропускной пункт около совхоза Герейханова (село около Касумкента) для проверки проезжающих автомобилей и предотвращения дальнейших столкновений. Спустя несколько часов группа численностью около 300 человек, вооруженных дубинками, железными прутьями и аналогичными предметами, прибыла на контрольно-пропускной пункт на нескольких автомобилях без номерных знаков. Милиция остановила эти автомобили. По утверждению властей, второй заявитель забрался на крышу своего автомобиля и начал подстрекать своих односельчан оказать сотрудникам милиции сопротивление и проехать прямо через них. Его последователи стали оскорблять сотрудников милиции в устной форме, отталкивая их с пути и пытаясь перевернуть милицейский автомобиль и грузовик, которым сотрудники милиции заблокировали дорогу. Один из милиционеров был ранен, а его форма была порвана. В результате, сотрудники милиции сдались и пропустили автомобили.

9. Второй заявитель отрицал, что принимал участие в стычке. Он утверждал, что в этот день он принимал участие в собрании в Курахском районе. Что касается эпизода возле контрольно-пропускного пункта, он показал, что имел место спор с сотрудниками милиции, когда он просил позволить его машине проехать, и лобовое стекло его машины было разбито сотрудниками милиции. Тем не менее, он не совершал никаких противоправных действий.

10. В неустановленный день прокуратура возбудила уголовное дело по факту событий 19 апреля 2006 года (дело №6424).

11. 21 апреля 2006 года второй заявитель был задержан по делу №6424, которое касалось беспорядков в селе Хив 19 апреля 2006 года. 22 апреля 2006 года Хивский районный суд удовлетворил ходатайство следователя о заключении второго заявителя под стражу. Второй заявитель подозревался в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 212 («Массовые беспорядки») и ч. 1 ст. 318 («Применение насилия в отношении представителя власти») УК РФ. Суд постановил, что второй заявитель должен быть помещен под стражу, поскольку, в противном случае, он может воспрепятствовать установлению истины, уничтожить доказательства или скрыться. Второй заявитель обжаловал постановление суда, утверждая, что решение суда было необоснованным, но 28 апреля 2006 года Верховный суд Республики Дагестан оставил кассационную жалобу без удовлетворения в рамках упрощенного производства.

12. 20 июня 2006 г. Советский районный суд г. Махачкалы вынес постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей второго заявителя, указав, что последний имеет постоянное место жительства, троих детей, о которых необходимо заботиться, и престарелого больного отца; и что правонарушения, в которых он обвиняется, не были тяжкими преступлениями. Второй заявитель был освобожден.

13. Уголовное дело в отношении второго заявителя было прекращено судом по причине "деятельного раскаяния".

С. Митинг 25 апреля 2006 года в селах Усухчай и Мискинджа и его разгон

14. Несмотря на решение местной администрации от 17 апреля 2006 года, которым место и время проведения митинга 25 апреля 2006 года были согласованы, организаторы решили провести ее, как и планировали. Первый и третий заявители принимали участие в этом "несанкционированном" митинге; второго заявителя не было среди протестующих, поскольку в тот момент он находился под стражей в связи с эпизодом 19 апреля 2006 года в селе Хив (см. пункты 8 и 13 выше).

1. Версия первого и третьего заявителей

15. Около 10.00 25 апреля 2006 года группа численностью около 1000 человек собралась на окраине села Усухчай. Участники митинга не смогли пройти к месту сбора, поскольку дороги были перекрыты милицией.

16. Организаторы митинга попытались встретиться с представителями администрации села, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, но безрезультатно. Когда демонстранты начали

продвижение к центру села, путь им преградила милиция. В то же время другая группа демонстрантов из соседнего села Мискинджа была остановлена милицией на пути к селу Усухчай; им было приказано вернуться в село Мискинджа и проводить там свою акцию отдельно, если они того желают.

17. Во второй половине дня митингующие из Усухчая начали двигаться в направлении села Мискинджа. Поскольку милиция перекрыла дороги, они были вынуждены покинуть свои машины и идти пешком. Из-за плохой погоды и значительного расстояния, которое нужно было пройти пешком, некоторые из них решили от участия в митинге отказаться. В результате, когда демонстранты прибыли в село Мискинджа, их количество не превышало 200 - 300 человек.

18. Публичное мероприятие носило мирный характер, однако около 15 часов митингующие были окружены подразделением ОМОНа. Милиция открыла огонь из автоматического оружия поверх голов демонстрантов. Также для разгона митинга они использовали слезоточивый газ, дымовые шашки и гранаты временного поражения. Демонстранты побежали в сторону села, милиция начала их преследование. Сотрудники ОМОНа били демонстрантов резиновыми дубинками и прикладами автоматов. В результате один человек был застрелен, пять человек получили серьезные ранения, а несколько десятков человек были избиты или получили ранения в результате взрыва непосредственно в толпе гранат со слезоточивым газом. 67 человек были задержаны, а организаторам митинга были предъявлены обвинения в связи с их участием в несогласованном публичном мероприятии⁼⁼. Из доводов первого и третьего заявителей следует, что они присутствовали в месте конфронтации в селе Мискинджа до определенного момента, но покинули его, когда около 15 часов началось столкновение. Никто из них не пострадал в столкновении.

19. Что касается огнестрельного ранения, полученного милиционером, один из участников митинга, ссылаясь на слова другого свидетеля, С. Ф., утверждал, что рана была нанесена самостоятельно: милиционер случайно выстрелил себе в ногу, поскольку его оружие было снято с предохранителя.

2. Версия властей

20. 24 апреля 2006 года Министерство внутренних дел Республики Дагестан издало Приказ № 7 "О принятии мер по стабилизации обстановки в Докузпаринском районе Республики Дагестан". Приказ содержал описание несанкционированного публичного мероприятия 25 апреля 2006 года, в котором, предположительно, примет участие две тысячи человек, "часть которых имеет агрессивный настрой". В распоряжении были упомянуты риски блокирования дорог и

нарушения нормального режима работы государственных учреждений. "Объединенный отряд" был сформирован из тридцати пяти сотрудников ОМОНа и 147 милиционеров из восьми местных отделений милиции. Командиром "объединенного отряда" был назначен полковник Из. Распоряжение предусматривало меры по тайному наблюдению за лидерами демонстрантов, видеозапись событий, усиление мер по установлению личности на контрольно-пропускных пунктах и другие меры безопасности.

21. Отряд направился в село Усучай и занял позиции на нескольких контрольно-пропускных пунктах на дорогах, ведущих в село, и около определенных зданий, в которых находились государственные учреждения. Целью операции являлось обеспечение общественного порядка, гарантия конституционных прав и свобод населения, а также предотвращение столкновений между сторонниками А. и его противниками.

22. В своих замечаниях Власти утверждали, что накануне митинга неустановленные лица привезли в Усучай алкоголь, продукты питания и наркотические средства. Они были распределены между жителями села. Кроме того, была получена информация о лицах из других сел, прибывших в Усучай с целью подстрекательства местного населения к участию в несанкционированном митинге и неподчинению правоохранительным органам.

23. Около 11 часов 25 апреля 2006 года три группы людей собрались около здания администрации села. В одну группу численностью около 150 человек входили сторонники А., главы районной администрации. В две другие группы, совокупная численность которых составляла около одной тысячи человек, входили противники А. Официальные документы, входящие в материалы дела, также содержат сведения о другой группе численностью 450-500 человек, которая прибыла в Усучай для участия в митинге; не установлено, удалось ли этой группе присоединиться к собравшимся в центре, или ее остановила милиция на окраине села.

24. Ввиду риска столкновений между противостоящими группировками, представителей протестующих пригласили принять участие в переговорах в местной прокуратуре. В переговорах принимали участие полковник Из., заместитель Министра внутренних дел Республики Дагестан, прокурор Лаг., и начальник местного РОВД Акб. Власти предлагали организаторам провести митинг на территории гаража Управления коммунального хозяйства района (далее – гаража).

25. Однако предложение было отклонено. Демонстранты начали движение из села Усучай в село Мискинджа, куда они прибыли в районе 13-14 часов. В это же время, однако, неизвестные лица установили на дороге заграждение из брусчатки, деревянных балок и

водопроводных труб. Это была федеральная трасса, соединяющая несколько сел, и ее блокирование привело к образованию существенного транспортного затора.

26. Власти предупредили организаторов, что в случае продолжения блокирования дороги организаторы будут привлечены к ответственности, и правоохранные органы, присутствующие на месте событий, применят силу и "специальные средства".

27. Организаторы отказались следовать указаниям и приказали другим демонстрантам не соблюдать требований сотрудников милиции. Когда милиция по приказу заместителя министра полковника Из. начала разбирать баррикаду на дороге, неустановленные лица из толпы начали кидать в милицию камни. Кроме того, из сада, расположенного на холме слева от дороги, прозвучало несколько выстрелов. Некоторые из протестующих были вооружены холодным оружием, таким как стальные прутья, которые они использовали в качестве дубинок при нападении на милицию, в то время как другие демонстранты пытались отнять у сотрудников милиции табельное оружие.

28. В результате милиция была вынуждена применить огнестрельное оружие и спецсредства. В частности, ими использовались две светошумовые гранаты, 23 гранаты со слезоточивым газом, тридцать шесть резиновых пуль, и были произведены 747 выстрелов из автоматического огнестрельного оружия вверх, над головами толпы. Пятьдесят два наиболее активных протестующих были задержаны и доставлены в Докузапаринский РОВД.

29. Кроме того, неустановленные сотрудники милиции использовали помповые ружья с гранатами со слезоточивым газом калибра 22 мм. Выстрелы из этих ружей были произведены в направлении толпы.

30. После столкновения милиции и демонстрантов несколько сотрудников милиции получили ранения. Одиннадцать сотрудников милиции имели кровоподтеки на руках и ногах, царапины и сотрясения мозга; один сотрудник милиции получил разрыв селезенки; один милиционер, Ил., получил огнестрельное ранение в виде сквозного пулевого отверстия в правом бедре.

31. Четверо гражданских лиц получили серьезные травмы, один из пострадавших скончался. Ах. получил слепое пулевое ранение правой стороны грудной клетки с переломом ребер; Нср. получил пулевое ранение левой стороны грудной клетки с переломом костей плеча; Ал. получил осколочное ранение правой голени и бедра; Жнд. получил огнестрельное ранение правого предплечья с осколочным переломом; Нг. получил смертельное ранение газовой гранатой в грудную клетку, и скончался по дороге в больницу.

3. Документы, представленные Властями

32. В качестве подтверждения своего мнения Власти представили несколько документов, очевидно, полученных в ходе расследования (дело №67610). Однако, неясно, относились ли все указанные документы к делу №67610, и составляли ли они полные материалы, собранные в рамках этого дела. Содержание этих документов, в части, имеющей отношение к настоящему делу, приведено ниже.

33. Власти представили медицинские заключения с описанием травм нескольких сотрудников милиции, но не Ил. Они также представили несколько медицинских заключений с описанием травм, полученных протестующими, все с описанием кровоподтеков и царапин. Согласно указанным заключениям, протестующие утверждали, что милиция избивала их ногами и наносила им травмы резиновыми дубинками и прикладами. Некоторые протестующие были ранены резиновыми пулями, использованными милицией. Другие утверждали, что их избивали после задержания и доставления в РОВД.

34. Описание событий в показаниях Ахб., начальника Докузпаринского РОВД, в целом соответствует сведениям, представленным Властями. Он утверждал, что организаторы предупредили его о митинге телеграммой. 17 апреля 2006 года он встретился с одним из организаторов и обсудил мероприятие. Далее он пояснил, что после 10 часов 25 апреля 2006 года его сотрудники остановили большую группу протестующих, которые пытались попасть в село Усучай. Ахб. поговорил с лидерами протестующих и объяснил им, что "время и место публичного мероприятия не согласовано, и что действия (демонстрантов) являются незаконными". Впоследствии он принимал участие в переговорах с демонстрантами. Заместитель главы районной администрации предложил протестующим провести митинг на территории гаража, объяснив, что, если они останутся около здания районной администрации, это влечет риск блокирования главной дороги. Лидеры протестующих посетили гараж, но остались неудовлетворены этим предложением. Они сообщили властям, что они направят протестующих в село Мискинджа и проведут митинг там, в сельском доме культуры. Когда переговоры были окончены, небольшая группа протестующих начала движение в направлении центра села, в то время как остальные направились в село Мискинджа в сопровождении милиции. Около 13 часов Ахб. сообщили о перекрытии федеральной трассы двумя большими грудками камней. Он прибыл на место и начал переговоры с лидерами протестующих. Он пытался убедить их разблокировать дорогу, но они отказались и настаивали на встрече с руководством Республики Дагестан. На место событий прибыли новые люди, вооруженные камнями и палками. Поскольку переговоры были безуспешными, Ахб. приказал милиции начать расчистку дороги. Люди, собравшиеся по сторонам дороги.

начали кидать камни в сотрудников милиции, попали в нескольких из них, поэтому Ахб. приказал использовать щиты и резиновые дубинки. После того, как первая груда камней была разобрана, и движение по дороге было восстановлено, милиция обнаружила, что через 300 метров дорога была снова перегорожена трубами. Все это время в сотрудников милиции кидали камни. Ахб. разрешил применять огнестрельное оружие, но стрелять только поверх голов протестующих. К 18 часам дорога была разблокирована.

35. Один из протестующих, Ях., показал, что когда они прибыли в село Мискинджа, дорога не была блокирована. Люди начали блокировать дорогу спонтанно при помощи камней, чтобы привлечь внимание властей к своим требованиям. Лидеры митинга, выступавшие перед толпой, призвали всех к порядку и просили собравшихся не нарушать закон. Затем появился полковник милиции. Он просил лидеров протестующих разблокировать дорогу, но они отказались. Затем милиция атаковала протестующих с двух сторон и начала стрелять и бросать газовые гранаты в толпу. Люди побежали в направлении села Мискинджа. Ях. показал, что он не видел, как протестующие кидали камни в милицию: наоборот, милиция кидала камни в толпу, чтобы разблокировать дорогу.

36. Свидетель Аг., сотрудник районной администрации, показал, что все протестующие, включая женщин и пожилых людей, были пьяны, поскольку ранее мини-грузовик привез водку, которую раздавали протестующим. Аг. присоединился к толпе и направился с протестующими в село Мискинджа, где он выслушал выступления лидеров митинга перед толпой численностью примерно 300 человек. После безуспешных переговоров между протестующими и властями лидеры начали подстрекать протестующих кидать камни; он также слышал звуки выстрелов со стороны, где собрались протестующие. Был ранен сотрудник милиции. Милиция начала движение к протестующим и сделала два или три предупредительных выстрела в воздух. Когда милиция начала убирать камни с дороги и задерживать протестующих, Аг. ушел. По дороге обратно он слышал, как две женщины жаловались, что организаторы не заплатили им, и что их использовали против милиции в качестве живого щита.

37. Согласно не датированному рапорту начальника ОМОНа майора Кр., милиция начала применять газовые гранаты только после того, как большая группа численностью около 1000 человек, вооруженная металлическими прутьями, деревянными палками и ножами, напала на них. Майор Кр. также отметил, что когда его сотрудники двигались от первой баррикады ко второй, в них начали стрелять из автоматического оружия и охотничьего ружья из-за ближайших деревьев.

38. Свидетель Агб. показал, что 25 апреля 2006 года он ехал по делам, но был остановлен толпой. Он услышал, как первый заявитель призывает протестующих не блокировать дорогу, а собраться в сельском доме культуры села Мискинджа. Однако некоторые из демонстрантов не подчинились; прибыли два грузовика и вывалили камни на дорогу. Некоторые из протестующих кидали камни в милицию.

39. Один из свидетелей, Чуб., был водителем грузовика, который привез камни для первой баррикады. Он пояснил, что он погрузил камни около реки для строительства сарая в своем саду. Около въезда в село Мискинджа его остановила группа молодых людей, которые приказали ему под угрозой применения насилия вывалить камни прямо на дорогу.

40. Письменные показания нескольких других очевидцев являются неубедительными. Некоторые из них показали, что группа подростков кидала камни в милицию; другие утверждали, что милиция использовала огнестрельное оружие и стреляла в воздух, в то время как демонстранты не имели огнестрельного оружия. Некоторые свидетели слышали выстрелы со стороны протестующих.

D. Задержания участников и организаторов митинга

1. Первый заявитель (Примов)

(а) Задержание и помещение под стражу

41. 29 апреля 2006 года первый заявитель был задержан за участие и организацию публичного мероприятия с нарушением закона 25 апреля 2006 года (уголовное дело №67610). Он подозревался в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 («Массовые беспорядки») и ч. 2 ст. 318 («Применение насилия в отношении представителя власти») УК РФ (в отношении всех дальнейших ссылок на Уголовный Кодекс см. раздел "Применимое национальное законодательство" ниже).

42. В частности, следствие подозревало, что первый заявитель приказал демонстрантам заблокировать дорогу и «сопротивляться выполнению законных распоряжений сотрудников милиции с применением огнестрельного оружия». Следователь Прокуратуры Республики Дагестан обратился в Советский районный суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении первого заявителя.

43. По утверждению Властей, ходатайство Прокуратуры Республики Дагестан (далее - прокуратуры субъекта РФ) о заключении заявителя под стражу было основано на показаниях свидетелей Алс, Агш., Шк., и анонимных свидетелей. Эти свидетели указали первого

заявителя как одного из лидеров митинга, подстрекавших толпу к нападению на милицию.

44. 30 апреля 2006 г. Советский районный суд г. Махачкалы вынес постановление о применении к первому заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу. В своем постановлении суд отметил, что он подозревается в совершении тяжких преступлений, и что он может продолжить свою преступную деятельность, скрыться или воспрепятствовать осуществлению правосудия. Суд также сослался на «его личность».

45. Адвокат первого заявителя обжаловал данное решение в кассационном порядке.

Он указал, что первый заявитель работает в качестве главы муниципальной службы социального обеспечения, что у него есть постоянное место жительства и четверо детей, и его коллеги и соседи отзываются о нем положительно. Адвокат также заявил, что первый заявитель никогда не контактировал со следователями до своего ареста. Адвокат отметил, что подозреваемый может содержаться под стражей до суда до официального предъявления обвинения только в исключительных обстоятельствах. В постановлении суда ничего не говорится о каких-либо конкретных фактах, свидетельствующих о том, что первый заявитель действительно намерен продолжать свою преступную деятельность, скрыться или воспрепятствовать осуществлению правосудия. Более того, адвокат указал на различные нарушения в заявлении со стороны милиции и в постановлении суда о заключении под стражу.

46. 6 мая 2006 г. Верховный суд Дагестана отклонил жалобу в рамках упрощенного производства. Аргументация Верховного суда была аналогичной аргументации суда нижестоящей инстанции.

47. 8 мая 2006 г. первому заявителю было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 213 и ч. 2 ст. 318 УК РФ. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого первый заявитель именовался "организатором митинга". В обвинительном акте также было упомянуто, что, в качестве одного из организаторов митинга, первый заявитель приказывал протестующим блокировать дорогу, кидать камни в направлении милиции и применять огнестрельное оружие.

48. Установлено, что в то время у первого заявителя был конфликт со свидетелями, которые ранее указали на него как на одного из подстрекателей беспорядков. По утверждениям Властей, все они отказались от ранее данных показаний, касающихся его роли в беспорядках.

49. 27 июня 2006 г. Советский районный суд г. Махачкалы отказал в продлении срока содержания первого заявителя под стражей. Суд постановил, что милиция не привела никаких доказательств того, что он мог скрыться или воспрепятствовать осуществлению правосудия, и

что к нему не могли быть применены иные меры пресечения. Кроме того, суд отметил, что необходимость допроса других демонстрантов, которые применяли насилие в отношении сотрудников милиции, не является основанием для продления срока содержания под стражей. Наконец, суд указал, что первый заявитель не имеет судимостей, женат, трудоустроен, имеет хорошие характеристики, удостоен государственных наград и имеет постоянное место жительства. Первый заявитель был освобожден.

(б) Выводы внутреннего расследования

50. 25 декабря 2006 года уголовное дело в отношении первого заявителя было прекращено за непричастностью к совершению преступлений. Следователь установил, что дорога в село Мискинджа была блокирована протестующими; когда сотрудники милиции попыталась расчистить дорогу, протестующие начали кидать в них камни и палки. Несколько сотрудников милиции были ранены; сотрудник милиции Ил. был ранен пулей, выпущенной из охотничьего ружья.

51. Постановление следователя о прекращении дела содержало ссылку на протокол осмотра места происшествия, во время которого он обнаружил следующие предметы: 139 гильз калибра 5,45 мм (тип, применяемый в автоматическом оружии милиции), одна гильза 7,45 мм (стандартный армейский автомат Калашникова), две картонных гильзы (охотничье ружье) и одна гильза от слезоточивой гранаты.

52. Следователь также ссылаясь на показания нескольких демонстрантов, которые утверждали, что когда милиция приблизилась к демонстрантам, большинство людей сохраняли спокойствие. Однако позже прибыла группа молодых людей, которых свидетель идентифицировал как "люди Канберова", которая начала кидать камни в милицию и выкрикивать оскорбления.

53. Два сотрудника милиции, допрошенные следователем, пожелали остаться неизвестными. Они показали, что лидеры митинга, включая первого и третьего заявителя, приказали протестующим не подчиняться милиции и кидать в нее камни. Показания двух свидетелей, пожелавших остаться неизвестными, были подтверждены несколькими другими сотрудниками милиции, которые дали показания с указанием своих настоящих имен, включая Щ. Однако во время проведения очной ставки с первым заявителем Щ. отказался от своих показаний.

54. Сотрудник милиции Мсл. показал, что первый заявитель покинул место событий между 12 и 13 часами, то есть до начала столкновения из-за неотложного семейного дела. Этот факт подтвердил свидетель Джв. Свидетель Ум. показал, что первый заявитель пытался убедить протестующих выполнять распоряжения

милиции и назначил тридцать человек для поддержания порядка во время митинга.

55. Первый и третий заявители также были допрошены. Они отрицали свою вину и утверждали, что они сотрудничали с милицией и пытались призвать протестующих к порядку.

56. Наконец, следователь ссылаясь на видеозапись митинга, которая свидетельствует о том, что первый и третий заявители просили протестующих не поддаваться на провокации и сохранять спокойствие.

57. 25 декабря 2006 года первому заявителю сообщили о его праве на возмещение ущерба в связи с судебным преследованием в отношении него.

2. Третий заявитель (Аскеров)

58. Третий заявитель был задержан 29 апреля 2006 г. Принимая во внимание неоспоримость факта присутствия третьего заявителя во время митинга 25 апреля 2006 года, его задержание было связано не с демонстрацией, а с его ролью в событиях 19 апреля 2006 года в селе Хив, и регламентировано распоряжением в рамках уголовного дела №6424 (см. пункты 8 и 13 выше).

59. 1 мая 2006 г. Советский районный суд г. Махачкалы вынес постановление о применении к третьему заявителю меры пресечения в виде заключения под стражей. Суд аргументировал это тем, что так как третьему заявителю может быть назначено судом наказание в виде лишения свободы, он может скрыться. Кроме того, суд отметил, что ордер на его арест был выдан милицией 20 апреля 2006 г., однако третий заявитель был арестован только 29 апреля 2006 г.

60. Третий заявитель обжаловал это постановление. В частности, он утверждал, что до 29 апреля 2006 г. милиция не принимала мер по исполнению постановления о задержании от 20 апреля 2006 г. Он был задержан в здании Министерства внутренних дел Республики Дагестан, куда явился по собственной воле.

61. 6 мая 2006 г. Верховный суд республики Дагестан оставил в силе решение суда первой инстанции в рамках упрощенного производства. В тот же день третьему заявителю было предъявлено обвинение по статьям 212 и 318 УК РФ в связи с его участием в событиях 19 апреля 2006 г. в селе Хив. Обвинения в отношении него были аналогичны обвинениям в отношении второго заявителя.

62. 26 июня 2006 г. Советский районный суд г. Махачкалы отказал в продлении срока досудебного содержания третьего заявителя под стражей. Суд постановил, что милиция не привела никаких доказательств того, что он может скрыться или воспрепятствовать осуществлению правосудия. Кроме того, суд указал, что необходимость проведения дальнейших следственных действий не

была законным основанием для продления его содержания под стражей. Суд пришел к выводу, что в отношении третьего заявителя можно применить более мягкую меру пресечения. Третий заявитель был освобожден.

63. Как следует из доводов Властей, обвинения в отношении третьего заявителя были основаны на показаниях одного свидетеля. Органы прокуратуры приняли решение отказаться от обвинения в отношении него.

Е. Уголовное расследование событий, случившихся 25 апреля 2006 г., а также другие расследования

64. 25 апреля 2006 г. Прокуратура Республики Дагестан возбудила уголовное дело по факту событий в селах Усучай и Мискинджа (дело №67611). Факты были квалифицированы по п. (е) ч. 2 статьи 105 ("Убийство"), и статье 222 ("Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств") Уголовного Кодекса ("УК РФ").

65. 7 мая 2006 года полковник Мк., действующий руководитель ОМОН Министерства внутренних дел Республики Дагестан, подготовил рапорт о событиях 25 апреля 2006 года. Он разъяснил, что гранаты со слезоточивым газом были применены, когда протестующие напали на милицию с железными прутами и пытались завладеть табельным оружием.

66. 10 мая 2006 года в ходе внутренней проверки, проведенной Министерством внутренних дел Российской Федерации, был сделан вывод, что действия милиции 25 апреля 2006 года были обоснованными. В частности, согласно заключению, составленному по результатам проверки действий сотрудников МВД Республики Дагестан в связи с событиями в Докузпаринском районе, в 16.45 полковник Из. приказал сотрудникам милиции разблокировать дорогу, но на милиционеров напала группа людей, вооруженных железными прутами, камнями и ножами. Некоторые из этих людей пытались завладеть табельным оружием сотрудников милиции. Когда милиция прибыла в село Мискинджа, она обнаружила грузовой автомобиль с грузом алкоголя, сигарет и продуктов питания. Подполковник Ог. показал, что его подчиненные подверглись обстрелу из ближайших садов, расположенных слева от дороги. Сотрудник милиции Ил. (получивший пулевое ранение в бедро) показал, что человек с закрытым лицом выстрелил в него из охотничьего ружья. В приложении к протоколу внутреннего расследования приведено описание ограничений использования газовых гранат; в частности,

запрещено "производить выстрелы газовыми гранатами непосредственно в людей".

67. В неустановленный день мая 2006 года первый заявитель представил следователю письменные показания о событиях 25 апреля 2006 года (копия была представлена Властям). Он утверждал, что митинг начался мирно, несмотря на информацию о том, что группа сторонников А. собралась в парке села Усухчай. Во время проведения переговоров с властями утром 25 апреля 2006 года представители органов власти предупредили протестующих, что, если они будут настаивать на проведении митинга в селе Усухчай, возможно кровопролитие. Днем, когда демонстранты отказались уйти с дороги рядом с селом Мискинджа, милиция начала стрелять и избивать их резиновыми дубинками. Первый заявитель представил прокурору видеозапись начала столкновения и ходатайствовал о проведении допроса нескольких участников событий.

68. 19 октября 2006 года Прокуратура Республики Дагестан возбудила уголовное дело по пункту (б) ч. 3 статьи 286 УК РФ ("Превышение должностных полномочий") в отношении убийства Нг. (дело № 668459).

69. 4 декабря 2006 года дела №№ 668459 и 67611 были объединены.

70. По утверждениям Властей, по указанным двум делам следователи допросили более семидесяти свидетелей, и провели судебно-медицинскую и баллистическую экспертизы. Родственникам потерпевших или самим потерпевшим в ходе этих разбирательств был присвоен статус потерпевших.

71. В ходе предварительного следствия не были установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых. В результате 20 февраля 2007 г. следствие было приостановлено. Следователь постановил, что "в нарушение инструкции по применению специальных средств... № 865дсп, сотрудники ОМОН ... произвели выстрелы газовыми гранатами калибра 23 мм ..." Тем не менее не удалось установить личности сотрудников милиции, которые произвели роковой выстрел.

72. Установлено, что в неустановленный день расследование было возобновлено и 16 января 2010 года было снова приостановлено.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ

73. Статья 30 Конституции Российской Федерации защищает право на свободу объединений. На основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

А. Закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»

74. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (№ 54-ФЗ от 18 августа 2004 года - "Закон о собраниях") в соответствующей редакции регламентирует права и обязанности организаторов публичных мероприятий. Соответствующие положения "Закона о собраниях" были всесторонне изложены в деле "Алексеев против России" (*Alekseyev v. Russia*) (№№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09, пункт 50, 21 октября 2010 г.). Краткая справка по соответствующим пунктам наиболее значимых положений закона приведена ниже.

75. Статья 5 "Закона о собраниях" гласит, что организатор публичного мероприятия должен подать органам местного самоуправления письменное уведомление в соответствии со статьей 7. Организатор имеет право проводить публичное мероприятие в местах и во время, которые указаны в уведомлении, либо изменены в результате согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, проводить собрания в специально отведенном или приспособленном для этого месте, позволяющем обеспечить безопасность граждан при проведении собрания. Организатор обязан требовать от участников публичного мероприятия соблюдения общественного порядка и исполнения законных требований органов власти.

76. Согласно ч. 5 статьи 5 "Закона о собраниях", организатор публичного мероприятия не вправе проводить его, если уведомление о проведении публичного мероприятия не было подано в срок, либо если с органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия.

77. Статья 7 "Закона о собраниях" гласит, что уведомление о проведении публичного мероприятия подается его организатором в письменной форме в орган местного самоуправления в срок не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия. Согласно части 2 статьи 7 процедура подачи таких уведомлений должна быть определена региональным законодательством.

78. Согласно статье 8, публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если его проведение не создает угрозы безопасности участников. Согласно статье 12, органы местного самоуправления после получения уведомления должны предложить альтернативное место проведения

публичного мероприятия, если первоначальные условия, изложенные в уведомлении, не соответствуют требованиям законодательства. Органы местного самоуправления также обязаны обеспечить в рамках своей компетенции и совместно с организаторами, а также уполномоченным представителем Министерства внутренних дел, общественный порядок и безопасность граждан во время проведения мероприятия.

79. Согласно статье 19 Закона, решения, действия (бездействие) органов местного самоуправления могут быть обжалованы в суд в порядке, установленном законодательством.

Б. Судебный пересмотр действий органов местного самоуправления

80. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу 2002 года ("новому ГПК"), лицо, пострадавшее от незаконных действий или бездействия органов государственной власти или органов местного самоуправления, располагает двумя видами средств правовой защиты: "заявление" или "иск" в отношении государства. Порядок рассмотрения заявлений регламентирует глава 25 Кодекса ("Производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих").

81. Новый ГПК регламентирует порядок судебного пересмотра решений и других действий органов государственной власти или органов местного самоуправления, если указанные действия нарушают права и свободы заинтересованных лиц. Пункт 3 статьи 258 гласит, что суд отказывает в удовлетворении заявления, если оспариваемое действие совершено "в соответствии с законом в пределах полномочий органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего и права либо свободы гражданина не были нарушены".

82. Как следует из статьи 258 нового ГПК, истец, заявление которого признано обоснованным судом, согласно главе 25, может получить судебное решение в отношении соответствующего органа государственной власти или органа местного самоуправления. В таком судебном решении суд обязан требовать "полного устранения нарушения прав и свобод". Кодекс умалчивает о том, позволяет ли глава 25 истцу использовать другие средства правовой защиты, предусмотренные законом, в частности, право на возмещение ущерба.

83. Статья 257 ГПК гласит, что заявления, поданные по главе 25 Кодекса, должны быть рассмотрены в течение 10 дней с момента подачи. Согласно статье 338 затем сторонам предоставляется 10 дней

на обжалование решения. Согласно статье 348 кассационный суд обязан принять решение по обжалованию в течение одного месяца.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

84. Заявители жаловались, что их задержание и содержание под стражей были необоснованными. Эта жалоба должна быть рассмотрена в рамках пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения: ...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд. ...»

85. Власти утверждали, что имелись достаточные доказательства того, что заявители активно участвовали в ожесточенных столкновениях с милицией 19 и 25 апреля 2006 года. Содержание заявителей под стражей было обосновано соответствующими и достаточными основаниями и не продолжалось дольше необходимого срока. По истечении определенного времени все заявители были освобождены, и обвинения против них сняты.

86. Заявители настаивают на своей жалобе на основании статьи 5. Они отрицают участие в насильственных действиях и утверждают, что при их задержании органы власти действовали недобросовестно.

87. Суд пришел к убеждению, что факты дела вызвали "обоснованное подозрение" в отношении всех трех заявителей. Несмотря на то, что впоследствии обвинения против двоих из них были сняты за неимением достаточно серьезных уличающих доказательств, сам по себе этот факт не означает, что первоначальное

подозрение не было "обоснованным" в значении параграфа (с) пункта 1 статьи 5. Отсутствует доказательство того, что органы власти задержали заявителей на основании заведомо ложных обвинений и свидетельских показаний. Кроме того, нет сомнений, что постановления о заключении под стражу в отношении всех троих заявителей были "законными" с точки зрения норм национального права и оформлены "в соответствии с процедурой, предусмотренной законом", как требует пункт 1 статьи 5.

88. Что касается того, было ли содержание заявителей под стражей обоснованным "соответствующими и достаточными основаниями", как требует пункт 3 статьи 5, Суд пришел к следующим выводам. Заявители содержались под стражей в ходе предварительного следствия менее двух месяцев (первый заявитель - один месяц и двадцать восемь дней, второй заявитель - один месяц и двадцать девять дней, и третий заявитель - один месяц и двадцать семь дней). Несмотря на то, что обоснованность длительности содержания под стражей нельзя установить *in abstracto*, а также принимая во внимание, что даже короткий срок содержания под стражей подлежит проверке Судом (см. постановление по делу "Шишков против Болгарии" (*Shishkov v. Bulgaria*) № 38822/97, п. 66, ECHR 2003-I (выдержки), и постановление по делу "Туркан против Молдовы" (*Turcan v. Moldova*) № 39835/05, пп. 45 и далее, 23 октября 2007 года). Суд отмечает, что *in casu* срок содержания заявителей под стражей был в основном обоснован тяжестью выдвинутых против них обвинений; три постановления о заключении под стражу были одинаково лаконичны, и не основывались на других фактах, особых для ситуации каждого заявителя (за исключением очень общей ссылки на "личность" первого заявителя). Европейский суд неоднократно устанавливал нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции по российским делам, когда суды Российской Федерации продлевали срок содержания заявителя под стражей, ссылаясь, в основном, на тяжесть предъявленного ему обвинения и используя стереотипную формулировку, не рассматривая конкретные факты или возможность применения альтернативной меры пресечения (см. постановление по делу "Пелевин против России" (*Pelevin v. Russia*) № 38726/05, п. 55, 10 февраля 2011 г., с дополнительными ссылками). Однако большинство предшествующих дел касались продления содержания под стражей в ходе предварительного следствия, в то время как настоящее дело касается первоначальных постановлений о заключении под стражу, оформленных немедленно после начала уголовного расследования. Суд напоминает, что во многих делах он допускал, что при назначении первоначального срока содержания под стражей "обоснованное подозрение" само по себе может являться достаточным основанием для оставления подозреваемого под стражей (см.

постановление по делу "Кусык против Польши" (*Kusyk v. Poland*) № 7347/02, п 37, 24 октября 2006 года). Суд полагает, что в настоящем деле тяжесть и, что более важно, характер предполагаемых преступлений (участие в беспорядках и организация насильственного сопротивления правоохранительным органам), в свете доступной информации о роли заявителей в столкновениях, могла обоснованно составлять достаточные фактические основания для первоначального заключения заявителей под стражу. Поскольку все заявители были освобождены менее чем через два месяца содержания под стражей, а также ввиду общего контекста дела Суд готов прийти к выводу, что их жалоба по подпункту «с» пункта 1 и пункту 3 статьи 5 Конвенции является явно необоснованной. Таким образом, данная жалоба подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

89. Далее заявители жалуются, что отказ органов власти согласовать время и место проведения митинга 25 апреля 2006 года, насильственный разгон публичного мероприятия и задержание троих заявителей являются нарушением их прав на свободу выражения мнения и свободу собраний и объединений, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции соответственно.

90. Данные положения предусматривают следующее:

Статья 10 (свобода выражения мнения)

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 11 (свобода собраний и объединений)

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

91. Прежде всего, Суд отмечает, что в отношении одних и тех же фактов заявители ссылаются на два отдельных положения Конвенции: Статьи 10 и 11 Конвенции. По мнению Суда, в указанных обстоятельствах Статью 10 следует рассматривать как *lex generalis* в отношении Статьи 11, *lex specialis* (см. постановление по делу "Эзелин против Франции" (*Ezelin v. France*), от 26 апреля 1991 г., п 35, Series A № 202). Заявители стремились не только выразить свое мнение о коррупции в местной администрации, но также сделать это совместно с другими демонстрантами (см. постановления по делу "Швабе и М.Г. против Германии" (*Schwabe and M.G. v. Germany*), №№ 8080/08 и 8577/08, п 101, ECHR 2011 (выдержки)). Суд напоминает, что в постановлении по делу "Галустян против Армении" (*Galstyan v. Armenia*) № 26986/03, пп. 95-96, от 15 ноября 2007 года, в котором заявитель был задержан и осужден за поведение во время митинга, Суд не нашел необходимости рассматривать жалобу по статье 10 отдельно от жалобы по Статье 11 Конвенции. Нет оснований отступать от этого подхода и в настоящем деле. Следовательно, Суд приходит к выводу, что жалобы заявителей не требуют отдельного рассмотрения по статье 10.

92. Исходя из этого, Суд отмечает, что, несмотря на определенную область применения, в сфере политических споров гарантии, предусмотренные статьями 10 и 11, часто являются дополняющими друг друга, поэтому Статья 11 в соответствующих случаях должна рассматриваться в свете прецедентной практики Суда по вопросам свободы выражения мнений. Суд напоминает, что связь между статьями 10 и статьей 11 особенно прослеживается в случаях, когда органы власти вмешиваются в право на свободу мирных собраний в ответ на взгляды или заявления участников митинга или членов общества (см., например, постановления по делу "Станков и Объединенная организация Македонии "Илинден" против Болгарии" (*Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria*) №№ 29221/95 и 29225/95, п. 85, ECHR 2001-IX).

А. Приемлемость жалобы

93. Суд напоминает, что термин "ограничения" в пункте 2 статьи 11 следует толковать как включающий в себя меры, принятые до или во

время проведения публичного собрания – такие как запрет мероприятия, разгон собрания или задержание участников, а также карательные меры, принятые после собрания (см. постановление по делу Эзелин, процитированное выше, п. 39; постановление по делу "Бончковский и другие против Польши" (*Bączkowski and Others v. Poland*) № 1543/06, пп. 66-68, 3 мая 2007 г.; постановление по делу "Ойя Атаман против Турции" (*Oya Ataman v. Turkey*) № 74552/01, пп. 7 и 30, ECHR 2006-XIII; постановление по делу "Гайд Парк и другие против Молдовы" (*Hyde Park and Others v. Moldova*) № 33482/06, пп. 9, 13, 16, 41, 44 и 48, 31 марта 2009 г.; решение по делу "Османи и другие против "бывшей Югославской республики Македонии" (*Osmani and Others v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*) (dec.) № 50841/99, ECHR 2001-X; и постановление по делу "Сергей Кузнецов против России" (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) № 10877/04, п. 36, 23 октября 2008 года).

94. Жалоба заявителей в настоящем деле касается, в основном, событий 25 апреля 2006 года в селах Усучай и Мискинджа. Однако заявители также жалуются на другие эпизоды, которые, по их словам, представляют собой отдельные случаи "вмешательства" в их права, гарантированные статьей 11. В частности, они жаловались на решение местной администрации от 17 апреля 2006 года не разрешать митинг, а также на задержание и содержание под стражей. Суд рассмотрит каждый из указанных эпизодов отдельно.

1. Решение от 17 апреля 2006 года об отказе в согласовании времени и места проведения е митинга

95. Заявители жаловались на нарушение своих прав, гарантированных статьей 11, вследствие решения местной администрации от 17 апреля 2006 года об отказе в согласовании времени и места проведения митинга. Власти в ответ утверждали, что по статье 19 Закона о собраниях организаторы митинга имели право обратиться в суд с жалобой на решение районной администрации от 17 апреля 2006 года об отказе в согласовании времени и места проведения митинга. Однако организаторами такая жалоба не была подана. Следовательно, они не исчерпали внутренние средства правовой защиты по статье 35 Конвенции.

96. Европейский Суд полагает, что возражение Властей неправильно истолковано. Ни один из заявителей не был указан в списке организаторов митинга, представленном районной администрации. Следовательно, поскольку они не значились в числе организаторов, сложно понять, каким образом они могли оспаривать решение от 17 апреля 2006 года в суде, даже если предположить, что такое средство правовой защиты было эффективным (см. обратный вывод в деле *Алексеева*, процитированном выше, пп. 97 и далее). В

любом случае, за отсутствием доказательств, что заявители входили в число организаторов митинга, Суд приходит к выводу, что фактически на них лично не повлиял отказ районной администрации согласовать время и место митинга. В этой части их жалоба является несовместимой с Конвенцией *ratione personae* и должна быть оставлена без удовлетворения в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

2. Митинг 25 апреля 2006 года в селах Усухчай и Мискинджа, и его разгон

97. Далее, все три заявителя жалуются на события 25 апреля 2006 года, а именно, на блокирование села Усухчай милицией и последующий насильственный разгон митинг около села Мискинджа.

98. Суд отмечает, что второй заявитель был задержан 21 апреля 2006 года, и, следовательно, не мог принимать участие в митинге 25 апреля. Его утверждение, что он был задержан в целях препятствования его участию в митинге 25 апреля 2006 года, не подтверждено материалами дела. По мнению Суда, простое желание лица принять участие в публичном мероприятии не является достаточным основанием для вывода, что такое лицо страдает от запрета или разгона публичного мероприятия. Следовательно, жалоба второго заявителя по статье 11 на задержание и события 25 апреля 2006 года является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

99. Напротив, Власти не оспаривали, что первый и третий заявители были в числе протестующих 25 апреля 2006 года. Что касается самих заявителей, то несмотря на то, что они отрицали участие в насильственных действиях против милиции в тот день, они признали, что были на месте событий во время столкновения. Таким образом, что касается событий 25 апреля 2006 года, Суд готов считать, что блокирование села Усухчай и последующий разгон митинга в селе Мискинджа являлись вмешательством в их права, гарантированные статьей 11 Конвенции. При таком толковании жалоба первого и третьего заявителя не является явно необоснованной в рамках значения подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой на каком-либо другом основании. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

3. Задержание и содержание под стражей первого заявителя

100. Суд напоминает, что 29 апреля 2006 года первый заявитель был задержан за участие и организацию несанкционированного митинга 25 апреля 2006 года. Очевидно, что задержание первого

заявителя имело отношение к событиям 25 апреля 2006 года и его роли в этих событиях. Оставив в стороне вопрос о том, принимал ли заявитель участие в насильственных действиях, Суд считает, что его задержание можно рассматривать на оспариваемом основании как случай "вмешательства" в права, гарантированные статьей 11. Эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой на каком-либо другом основании. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

4. Задержание и содержание под стражей второго и третьего заявителей

101. Наконец, второй и третий заявители жаловались на задержание. Второй заявитель утверждал, что милиция задержала его 21 апреля 2006 года, чтобы препятствовать его участию в митинге 25 апреля 2006 года. Третий заявитель утверждал, что его задержание было *de facto* наказанием за его участие в этом митинге.

102. Суд не располагает доказательствами в поддержку утверждений второго и третьего заявителей о том, что их задержания 21 и 29 апреля 2006 года, соответственно, были связаны с их участием в митинге 25 апреля 2006 года. Все материалы дела указывают на то, что второй и третий заявители были задержаны в связи с событиями 19 апреля 2006 года в селах Камсумкент и Хив, которые не являются предметом оценки настоящего дела. Суд пришел к выводу, что задержания и содержание под стражей заявителей не могут считаться случаем "вмешательства" в их права, гарантированные статьей 11 Конвенции, в части, касающейся митинга 25 апреля 2006 года. В указанных обстоятельствах Суд приходит к выводу, что жалоба второго и третьего заявителя по статье 11 в части, касающейся их задержаний, является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

5. Вывод относительно приемлемости жалобы

103. В целом, Суд объявляет приемлемой жалобу первого и третьего заявителей по статье 11 на события 25 апреля 2006 года, а также жалобу первого заявителя на задержание и последующее содержание под стражей. Оставшаяся часть жалоб заявителей по статье 11 подлежит отклонению как неприемлемая.

Б. Существо жалобы

1. Доводы Властей

104. Власти указали, что организаторы публичного мероприятия не соблюли требование пункта 1 статьи 7 Закона о собраниях, которое предписывает подачу уведомления о планируемом публичном мероприятии не ранее чем за 15 и не позднее чем за 10 дней до даты мероприятия. Уведомление было получено районной администрацией 17 апреля 2006 года, то есть, после предельного срока. Кроме того, вместимость парка составляла 500, а не 5000 человек. Власти утверждали, что статья 7 Закона о собраниях была надлежащим образом опубликована и устанавливала четкие и прогнозируемые правила, регулирующие массовые собрания.

105. Власти также утверждали, что ввиду нарушения соответствующих положений национального права, ограничение прав участников публичного мероприятия преследовало цели предотвращения общественных беспорядков и защиты прав и свобод других лиц.

106. Что касается соразмерности вмешательства, Власти утверждали, что решение об отказе в согласовании времени и места проведения публичного мероприятия было принято "в целях предотвращения нарушения законодательства о публичных мероприятиях". Требование уведомлять органы власти в надлежащей форме являлось частью нормальных обязательств организаторов митинга. Местные органы власти приняли меры, направленные на предотвращение массовых беспорядков и возможной дестабилизации политической ситуации в районе.

107. Организаторы были предупреждены о последствиях для участников незаконного публичного мероприятия. Они также были неоднократно предупреждены в отношении использования огнестрельного и холодного оружия во время митинга. Органы власти пытались вести переговоры с участниками публичного мероприятия и предлагали альтернативное место для проведения митинга, но это предложение было отклонено, и протестующие продолжили совершать незаконные действия. Так, они блокировали дорогу между двумя селами; многие участники незаконного публичного мероприятия имели огнестрельное оружие, железные пруты и другое оружие и применяли его против сотрудников милиции. Применение силы отрядом милиции было совместимо с требованиями Закона о милиции от 18 апреля 1991 года. Власти пояснили, что Закон о милиции предусматривал применение физической силы и специальных средств (таких как резиновые дубинки и слезоточивый газ) в целях прекращения преступных деяний и административных правонарушений и пресечения насильственных действий или

беспорядков, которые нарушали нормальное функционирование транспортной системы, средств связи и так далее.

108. Далее Власти привели описание столкновения между милицией и протестующими около села Мискинджа. Они утверждали, что милиция имела право применения огнестрельного оружия в целях самообороны по пункту 2 статьи 15 Закона о милиции. Они подчеркнули, что применение оружия ограничилось выстрелами поверх голов толпы.

109. Власти пояснили, что применение несколькими неуставленными сотрудниками милиции помповых ружей, заряженных гранатами со слезоточивым газом калибра 22 мм, противоречило Инструкции № 865дсп Министерства внутренних дел РФ от 5 ноября 1996 года, которая запрещала стрельбу такими гранатами непосредственно в людей.

2. Доводы заявителей

110. Первый и третий заявители (далее - "заявители") утверждали, что местные органы власти и органы государственной власти неверно истолковали Закон о собраниях. Статья 17 Закона гласит о "подаче" уведомления, а не о его "получении". Уведомление было направлено почтой 10 апреля 2006 года; из этого следует, что организаторы публичного мероприятия соблюли сроки "подачи" уведомления.

111. Заявители также утверждали, что Закон о собраниях содержит только требование об уведомлении. Следовательно, районная администрация не имела полномочий санкционировать митинг или отказать в разрешении; она могла только принять к сведению уведомление.

112. Заявители утверждали, что вмешательство в права протестующих было двусторонним: во-первых, оно состояло в разгоне митинга, во-вторых, в произвольном уголовном преследовании некоторых протестующих. Власти не отрицали, что имело место вмешательство в права, гарантированные статьей 11, по меньшей мере в части, касающейся разгона митинга.

113. Заявители утверждали, что разгон митинга с применением огнестрельного оружия был несоразмерным. Изначально публичное мероприятие было мирным; его целью была критика местных властей, что являлось совершенно законной формой гражданского протеста. Применение огнестрельного оружия и специальных средств правоохрательными органами было несоразмерным и было направлено на пресечение критики.

114. Кроме того, применение огнестрельного оружия противоречило нормам национального права, в частности, подпункту 3 статьи 15 Закона о милиции, который запрещает применение

огнестрельного оружия в местах массового пребывания людей из-за риска ранения сторонних лиц.

115. Утверждение Властей о том, что до митинга кто-то раздавал алкоголь, продукты питания и наркотические средства жителям села, не подтверждено доказательствами. Аналогично отсутствуют доказательства того, что протестующие начали насильственные действия и заблокировали дорогу.

3. Оценка Европейского Суда

(а) Общие принципы

116. Суд напоминает, что право на свободу собраний является основополагающим правом в демократическом обществе и, аналогично праву на свободу выражения мнений, является одним из основополагающих принципов такого общества. Следовательно, его не следует толковать ограничительно (см. постановление по делу Швабе и М. Г., процитированное выше, п. 110.).

117. Суд ранее пришел к заключению о том, что разумные процедуры уведомления о проведении публичного мероприятия и даже процедуры санкционирования его проведения, как правило, не посягают на сущность права в соответствии со статьей 11 Конвенции, до тех пор, пока цель таких процедур заключается в том, чтобы позволить органам власти принимать разумные и необходимые меры в целях обеспечения успешного проведения массовых собраний (см. постановление по делу Сергея Кузнецова, процитированное выше, п.42, и решения по делу "Раи и Эванс против Соединенного Королевства" (*Rai and Evans v. the United Kingdom*) (dec.), №№. 26258/07 и 26255/07, 17 ноября 2009 г.). Организаторы публичных мероприятий должны соблюдать правила, регламентирующие указанную процедуру путем соблюдения действующих правил.

118. Суд повторяет вывод по делу «Зилиберберг против Молдовы» (*Ziliberberg v. Moldova*) (dec. №61821/00, 4 мая 2004 г.), согласно которому "поскольку Власти имеют право требовать согласования, они должны обеспечивать применение санкций в отношении лиц, участвующих в митинге, не подчиняющихся этому требованию." В настоящее время вопрос заключается в том, как далеко могут зайти такие "санкции", и может ли разгон быть обоснованно объяснен первоначальной "незаконностью" публичного мероприятия. В деле Зилиберберга Суд постановил, что содержание заявителя под стражей в течение небольшого срока и незначительный штраф не были чрезмерной реакцией на участие в несанкционированном митинге на дороге общего пользования. Однако в постановлении по делу "Самют Карабулут против Турции" (*Samüt Karabulut v. Turkey*) (№ 16999/04, п. 35, 27 января 2009 года, с дальнейшими ссылками), "незаконная

ситуация не является оправданием вмешательства в право на свободу собраний". В то время как правила, регулирующие публичные собрания, такие как система предварительного извещения о таковых, являются важными для беспрепятственного проведения общественных мероприятий, так как они позволяют органам власти свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, Суд подчеркивает, что их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, в случаях, когда демонстранты, не уведомившие органы власти о проведении публичного собрания, не совершают насильственных действий, Суд требовал, чтобы органы государственной власти проявляли определенную степень терпимости в отношении мирных собраний (см. постановление по делу «Берладир и другие против России» (*Berladir and Others v. Russia*), № 34202/06, п. 38, 10 июля 2012 г.; дело *Галустяна*, процитированное выше, пп. 116-117; "Букта и другие против Венгрии" (*Bukta and Others v. Hungary*), № 25691/04, п. 37, ECHR 2007-III; дело *Ойя Атаман*, процитированное выше, пп. 38-42; и постановления по делу "Акгель и Гель против Турции" (*Akgöl and Göl v. Turkey*), №№ 28495/06 и 28516/06, пункт 43, 17 мая 2011 г.).

119. Следовательно, отсутствие предварительного разрешения и последующая "незаконность" деяния не дает властям *carte blanche*; они по-прежнему ограничены требованием соразмерности по смыслу Статьи 11. Таким образом, следует установить, почему проведение митинга не было согласовано в первом месте, какие общественные интересы были под угрозой и какие риски представлял собой митинг. Методы, использованные милицией в целях создания препятствия протестующим, содержания их в определенном месте и разгона митинга, также являются важным фактором при оценке соразмерности вмешательства. Таким образом, применение милицией перцового газа для разгона санкционированного митинга было сочтено несоразмерным даже в случае, когда Суд признал, что митинг мог нарушить движение транспорта (см. дело *Ойя Атаман*, процитированное выше).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

120. Суд напоминает свой вывод выше, что первый и третий заявители не входили в число организаторов митинга, и, следовательно, не имели оснований для обжалования решения от 17 апреля 2006 года по этой причине. Исходя из этого, при оценке событий 25 апреля 2006 года и действий милиции в тот день Суд не может не учитывать причины, на которые ссылается районная администрация в решении от 17 апреля 2006 года. В конечном итоге, когда 25 апреля 2006 года милиция блокировала село Усучай, она сделала это в целях исполнения решения от 17 апреля 2006 года и

предотвращения проведения митинга, время и место которого не было согласовано. Следовательно, Суд начнет анализ событий 25 апреля 2006 года с рассмотрения причин, на которые ссылается глава районной администрации А. в решении от 17 апреля 2006 года.

(i) Предполагаемое опоздание в подаче уведомления

121. Суд напоминает, что Статья 11 содержит трехуровневый тест: вмешательство представляет собой нарушение Статьи 11, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей. Особенностью настоящего дела является тот факт, что органы власти выдвинули три отдельных возражения против митинга. Суд должен проанализировать каждое из них с применением трехуровневого теста, в целях установления обоснованности каждого из возражений в целях запрета митинга.

122. Во-первых, А. утверждал, что уведомление было подано с нарушением срока, предусмотренного Законом о собраниях. По этому вопросу Суд согласен, что обязанность уведомления органов власти о публичном мероприятии сама по себе не противоречит Статье 11 Конвенции и что такое требование преследует законные цели обеспечения общественного порядка и защиты прав и свобод других лиц. Однако "обязанность уведомления" не является целью сама по себе. Она существует в целях обеспечения властям возможности оценить риски, связанные с плановым публичным мероприятием, и принять меры в целях их устранения, например, путем предложения альтернативного места или времени мероприятия.

123. Настоящее дело поднимает два вопроса, касающихся "обязанности уведомления". Во-первых, стороны имеют разногласие по вопросу, было ли организаторами представлено уведомление в срок, предусмотренный Законом о собраниях. Во-вторых, даже в случае несоблюдения срока, возникает вопрос, было ли нарушение такого срока само по себе достаточным основанием для того, чтобы считать предстоящее мероприятие "незаконным", и какие правовые последствия это могло повлечь.

124. На первый вопрос Суд отмечает, что законодательство РФ требует от организаторов "подачи" уведомления не ранее чем за 15 дней, и не позднее чем за 10 дней до планового мероприятия. Слово "подача", используемое в Законе о собраниях, допускает неоднозначное толкование. Организаторы полагали, что в целях соблюдения закона им надо было *направить* уведомление в указанные сроки, в то время как районная администрация считала, что уведомление должно было быть *получено* до окончания срока.

125. Суд не призван давать однозначную интерпретацию Закону о собраниях. Он просто приходит к выводу, что норма не может считаться "законом", если она не сформулирована с достаточной степенью точности. Некоторые законы неизбежно сформулированы в терминах, которые в большей или меньшей степени являются неопределенными (см., среди прочего, постановление по делу «Реквены против Венгрии» (*Rekvényi v. Hungary*) [GC], № 25390/94, п. 34, ECHR 1999-III). Однако в настоящем деле законодателю было относительно легко разъяснить, что понималось под "подачей" уведомления: направление или получение. Власти не ссылались на подзаконные или региональные акты, которые могли бы прояснить этот вопрос. Суд не исключает возможности корректного прочтения закона органами власти. Однако даже при таком допущении организаторы должны быть прощены за неправильное толкование закона, поскольку он сам по себе допускает неоднозначное толкование.

126. Далее, Суд отмечает, что закон предоставляет очень короткий период для "подачи" уведомления. Если бы организаторы направили уведомление до 10 апреля 2006 года, существовал бы риск отказа из-за его преждевременности. Они отправили уведомление почтой в первый день предписанного срока в Махачкале, столице Дагестана, которая находится на расстоянии около 230 км от села Усухчай. Однако по неустановленным причинам письмо шло в районную администрацию семь дней. В регионе, где почтовая служба не является быстрой, пятидневный срок, предусмотренный законом, очевидно, не является достаточным, если уведомление должно быть доставлено почтовым отправлением. Таким образом, Суд приходит к выводу, что организаторы приложили разумные усилия для соблюдения очень жесткого требования законодательства, и, таким образом, выполнили "обязательство уведомления".

127. Суд также отмечает, что задержка при "подаче" уведомления, при наличии таковой, была несущественной. А. решил не согласовывать время и место проведения публичного мероприятия в день получения уведомления. Из текста его ответа от 17 апреля 2006 года ясно, что он рассмотрел уведомление по существу, и, в частности, оценил вместимость парка и цель публичного мероприятия. Таким образом, настоящее дело необходимо отличать от ситуации, когда организаторы подают уведомление, например, в канун мероприятия, не оставляя органам власти шанса подготовиться к такому событию, или согласовать альтернативные варианты.

128. По мнению Суда, в указанных обстоятельствах отказ А. согласовать время и место проведения митинга со ссылкой на предположительную задержку "подачи" уведомления не имел твердого основания в рамках национального права и к тому же не был

достаточным оправданием вмешательства, на которое поступила жалоба.

(ii) Недостаточная вместимость парка

129. Второй причиной отказа в согласовании времени и места проведения митинга являлась предположительная недостаточная вместимость парка. Первый и третий заявители не оспаривали тот факт, что А. ошибся в оценке вместимости, и в материалах дела отсутствуют сведения, опровергающие его оценку. В указанных обстоятельствах Суд готов допустить, что парк, в действительности, был слишком маленьким для того, чтобы вместить всех демонстрантов.

130. По мнению Суда, даже несмотря на то, что парк *a priori* является "общественным местом", подходящим для массовых собраний, его размер имеет соответствующее значение, поскольку переполнение во время публичного мероприятия таит в себе опасность. Практика Властей различных стран налагать ограничения на место проведения, дату, время, форму или способ проведения планового массового собрания не является необычной (см. дело *Берладира и других*, процитированное выше, п. 54). Таким образом, Суд готов согласиться с тем, что такие ограничения, в принципе, преследовали законную цель. Кроме того, неоспоримо, что нормы национального права разрешают органам власти регулировать способ, время и место проведения публичных мероприятий, в зависимости от характеристик определенной зоны.

131. Тем не менее, Суд не считает, что размер парка был достаточной причиной для полного отказа в согласовании времени и места проведения публичного мероприятия. Ситуация в настоящем деле сравнима с ситуацией в деле "Баранкевич против России" (*Barankevich v. Russia*) (постановление №10519/03, п. 33, 26 июля 2007 г.), в которой Суд постановил, что "вместо рассмотрения мер, которые позволили бы ... провести митинг мирно, органы власти отказали в согласовании времени и места его проведения. Они прибегли к наиболее радикальной мере, лишаящей заявителя возможности осуществления его прав на свободу... собраний". Суд полагает, что в настоящем деле обязанность властей заключалась в поиске возможных альтернативных решений и предложении другого места организаторам. Однако глава районной администрации решил прибегнуть к "наиболее радикальной мере". Следовательно, справедливое равновесие между законной целью и средствами ее достижения не было достигнуто.

(iii) Критика целей митинга органами власти

132. Третья причина отказа в согласовании времени и места проведения митинга относилась к идеям, которые организаторы желали выразить публично, другими словами, к "идейному содержанию" митинг. Таким образом, в ответе на письменное уведомление организаторов А. утверждал, что все предположения о коррупции, растратах и подделке официальной отчетности не соответствуют действительности и опровергнуты многочисленными официальными расследованиями и проверками.

133. Суд не осведомлен в подробностях о местных политических разногласиях и не имеет нужды оценивать достоверность обвинений; достаточно отметить, что "идейное содержание" демонстрантов, несомненно, касалось серьезного предмета озабоченности общественности и относилось к сфере политических споров. Кроме того, очевидно, что обвинения в адрес должностных лиц районной администрации относились к некоторым фактическим обстоятельствам, которые уже служили причиной нескольких внутренних расследований.

134. Суд напоминает, что его неизменным подходом, в рамках статьи 10, является требование очень серьезных причин в качестве обоснования ограничений политических речей или серьезных вопросов общественного интереса (см, с учетом необходимых изменений, постановления по делам "Карман против России" (*Karman v. Russia*), №29372/02, п. 36, 14 декабря 2006 г.; "Фельдек против Словакии" (*Feldek v. Slovakia*), №29032/95, п. 83, ECHR 2001-VIII; и "Шюрек против Турции" (*Sürek v. Turkey*) (№1) [GC], № 26682/95, п. 61, ECHR 1999-IV).

135. Подход в рамках статьи 11 должен быть аналогичным: публичные мероприятия, относящиеся к политической жизни в стране или на местном уровне, должны быть обеспечены серьезной защитой по условиям этого положения, и ситуации, в которых митинг может быть законно запрещен на основании идейного содержания, которое его участники желают донести, редки. Властям не следовало отказывать в согласовании времени и места проведения митинга из-за того, что они считали "идейное содержание" его участников неправильным. Это особенно верно в случаях, когда основной мишенью критики становятся сами органы власти, обладающие полномочиями на согласование или отказ в согласовании времени и места проведения публичных мероприятий, как в рассматриваемом деле. Ограничение свободы собраний на основании содержания должно подвергаться самой тщательной проверке Судом, и в настоящем деле Власти не представили убедительных аргументов, которые бы являлись основанием для таких ограничений.

136. Учитывая вышеизложенное, Суд пришел к выводу, что в свете причин, указанных в письме от 17 апреля 2006 года, решение А. об отказе в согласовании времени и места проведения митинга было необоснованным.

(iv) События 25 апреля 2006 года: блокирование села Усухчай и разгон митинга около села Мискинджа

137. Вышеприведенный вывод, независимо от его важности, не является достаточным основанием для заключения, что все последующие действия милиции 25 апреля 2006 года автоматически противоречили Конвенции. Во многих случаях разгон митинга можно рассматривать как прямое следствие решения органов власти не разрешать ее проведение, но в настоящем деле Суд полагает, что разгон следует рассматривать отдельно. Даже законно санкционированный митинг может быть разогнан, например, в случае его перерастания в беспорядки. Аналогично даже в случае, если первоначальный отказ в согласовании времени и места публичного мероприятия является необоснованным, как в рассматриваемом деле, ее разгон может быть необходимым ввиду последующих событий. Ситуация в настоящем деле развивалась очень быстро, и действия милиции должны быть оценены не только в свете решения 17 апреля 2006 года, но также с учетом ситуации по состоянию на 25 апреля 2006 года.

138. Суд отмечает, что события 25 апреля 2006 года имели два выраженных этапа. Линия раздела между ними проходит около 13 часов, когда участники митинга, включая первого и третьего заявителей, подошли к селу Мискинджа и заблокировали федеральную трассу камнями и другими предметами. Первый этап, который произошел около села Усухчай, был относительно мирным. в то время как кульминацией второго этапа, который произошел на федеральной трассе около села Мискинджа, стало столкновение между силами правопорядка и протестующими. Сначала Суд даст оценку первому этапу митинга, а именно событиям утра 25 апреля 2006 года. Основным является вопрос о том, могут ли новые обстоятельства, не упомянутые в решении от 17 апреля 2006 года, являться оправданием действий органов власти, в частности, блокирования села милицией.

(a) Установление фактов

139. Прежде чем перейти к юридическому анализу событий 25 апреля 2006 года Суд отмечает, что мнения сторон по определенным вопросам были различными. Подход Суда к установлению фактов зависит от нескольких факторов. Одним из них является характер жалобы, поданной по Конвенции. Суд отмечает, что в результате разгона митинг несколько протестующих были серьезно ранены и

один, Нг., скончался. Как следует из промежуточных результатов уголовного дела (дело №668459), жертвы могут быть частично объяснены тем фактом, что неустановленные сотрудники милиции не соблюдали инструкции и стреляли гранатами со слезоточивым газом прямо в толпу.

140. Суд напоминает, что в определенных делах по статьям 2 и 3, когда о лежащих в основе событиях осведомлены исключительно органы власти, он возлагал бремя доказывания на них и требовал, чтобы Власти представили убедительное разъяснение произошедшего с заявителем. Однако в настоящем деле Суд не получил жалоб от лиц, которые были ранены во время разгона митинга, или от родственников покойного Нг. Дело, рассматриваемое Судом, относится не к созданию опасности для жизни и здоровья первого и третьего заявителей, а лишь к вмешательству в их право, гарантированное статьей 11.

141. Суд отмечает, что события 25 апреля 2006 года стали объектом многочисленных расследований и оценок на национальном уровне (сравнить с постановлением по делу "Диск и Кеск против Турции" (*Disk and Kesk v. Turkey*) № 38676/08, п. 30, 27 ноября 2012 г., в котором Суд подчеркнул факт отсутствия внутреннего расследования и в котором он принял решение "на основании материалов, представленных сторонами"). Заявители не оспаривали выводы следствия и результаты судебных разбирательств. Они не подвергали критике процедуру проведенного следствия и судопроизводства. В указанных обстоятельствах безопасно использовать фактологические выводы официальных расследований и проверок в качестве основания для дальнейшего рассмотрения дела.

142. Тем не менее, Суд обязан различать факты дела, установленные в ходе официального расследования и проверок, и возможные выводы из указанных фактов и их правовое толкование. Суд должен подтвердить, что государственные органы власти "основывали решения на приемлемой оценке соответствующих фактов" (см. постановление по делу "Гайд Парк и другие против Молдовы" (*Hyde Park and Others v. Moldova*) (№ 4) №18491/07, п. 52, 7 апреля 2009 года).

(β) Блокирование села Усухчай милицией 25 апреля 2006 года

143. Суд отмечает, что 25 апреля 2006 года село Усухчай было блокировано милицией, и протестующим не позволили собраться в центре села около зданий районной администрации, как они желали. Первый и третий заявители не утверждали, что решение начальника милиции блокировать доступ в село противоречило нормам национального права. Кроме того, очевидно, что действия милиции в тот день преследовали законную цель предотвращения

беспорядков и преступления. Вопрос заключается в том, являлись ли эти действия соразмерными преследуемой законной цели.

144. Суд отмечает, что причины блокирования села не изложены в письменной форме; однако такие причины могут быть установлены из обстоятельств в целом, принятых решений и заявлений различных органов государственной власти, участвовавших в событиях. Первая причина была озвучена местными органами власти в ходе переговоров с лидерами митинга утром 25 апреля 2006 года: они утверждали, что если значительное число людей соберется около здания районной администрации, толпа рискует перекрыть главную дорогу, примыкающую к площади.

145. Суд напоминает в этом отношении, что любое крупное публичное мероприятие в общественном месте неизбежно влечет неудобства для населения. Несмотря на то, что митинг в общественном месте может привести к неудобствам в повседневной жизни, включая затруднение движения, органам государственной власти важно демонстрировать определенную степень терпимости в отношении мирных собраний, чтобы не лишать людей свободы собраний, гарантированной статьей 11 Конвенции (см. дело *Галустяна*, процитированное выше, пп. 116-117, и дело *Букты и других*, процитированное выше, п. 37). Надлежащая "степень терпимости" не может быть определена *in abstracto*: Суд обязан рассмотреть определенные обстоятельства дела и, в особенности, степень "дезорганизации повседневной жизни".

146. Суд принимает во внимание наличие риска временного блокирования главной дороги. Однако в отличие от баррикад, которые были возведены на федеральной трассе около села Мискинджа через несколько часов (см. ниже), ожидалось, что блокирование дороги в селе Усуччай толпой будет относительно кратковременным. Далее, поскольку митинг проходил в центре села, Суд не убежден, что в селе отсутствовали другие транспортные магистрали, через которые милицией могло быть организовано дорожное движение.

147. Суд отмечает, что органы власти пытались предложить лидерам митинга альтернативное место ее проведения в селе, а именно территорию гаража. Это предложение было сделано в последний момент, когда у организаторов практически отсутствовала возможность изменить форму, масштаб и время события. Следовательно, альтернативное предложение, сделанное администрацией, было неприемлемым (в отличие от дела *Берладира и других*, процитированного выше, п. 56). Из этого следует, что первая причина, приведенная органами власти, являлась недостаточным обоснованием полного блокирования села милицией.

148. Во-вторых, очевидно, что блокирование села было объяснено соображениями безопасности. Таким образом, Приказ №7 (см. пункт

20 выше) указывает на опасения милиции, что митинг приведет к нападениям на государственные учреждения и объекты инфраструктуры.

149. Исходя из этого, Суд отмечает, что в отличие от инцидента около села Мискинджа, рассмотренного ниже, утром 25 апреля, когда толпа собралась на окраине села Усукчай, органы власти не столкнулись с действительным применением насилия.

150. В рассмотренном ранее деле, где существовал риск столкновения между митингующими и их противниками, Суд постановил, что "сам факт наличия риска [столкновений с альтернативной демонстрацией] является недостаточным для запрета мероприятия: при проведении анализа ситуации органы власти должны произвести реальную оценку потенциального масштаба нарушений, чтобы оценить ресурсы, необходимые для нейтрализации угрозы насильственных столкновений" (см. постановление по делу "Фабер против Венгрии" (*Fáber v. Hungary*) № 40721/08, п. 40. 24 июля 2012 г., с дополнительными ссылками). В том же деле Суд проанализировал факт наличия "продемонстрированного риска нестабильности или возможных нарушений" (п. 47). Следовательно, Суд, во-первых, рассматривает, был ли "продемонстрирован" такой риск, подтвержденный установленными фактами, и, во-вторых, является ли "масштаб" такого риска оправданием для действий органов власти.

151. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что опасение возможных столкновений со стороны органов власти не было мнимым: 19 апреля 2006 года триста человек, вооруженных железными прутьями и палками, избили несколько человек в селах Камсумкет и Хив, а затем напали на контрольно-пропускной пункт на дороге, сооруженный милицией (см. пункт 8 выше). Несмотря на то, что связь между двумя инцидентами (19 апреля и 25 апреля 2006 года) не была полностью очевидной, она не может быть исключена. Из этого следует, что прогноз органов власти в отношении возможного сценария митинга 25 апреля 2006 года не был безосновательным и основывался на недавнем эпизоде. Кроме того, степень применения насилия 19 апреля 2006 года не была незначительной. Следовательно, в свете особых фактов настоящего дела, Суд готов прийти к выводу, что присутствие хорошо вооруженных подразделений милиции на месте событий не было безосновательным, и определенные дополнительные меры безопасности были, возможно, необходимыми.

152. Исходя из этого, Суд не убежден, что полное блокирование села было необходимым. Суд подчеркивает, что решение разогнать митинг просто потому, что некоторые его участники ранее проявляли агрессивное поведение, было бы неверным. Изначально публичное мероприятие должно было носить мирный характер. По крайней мере.

оно было заявлено таковой организаторами в уведомлении, направленном в районную администрацию 10 апреля 2006 года. Отказ районной администрации согласовать время и место проведения публичного мероприятия не относился к насильственному характеру митинга; оно было запрещено по другим причинам. Поведение участников митинга утром 25 апреля 2006 года также не носило насильственного характера. Органы власти мобилизовали большое число хорошо экипированных и обученных сотрудников милиции в селе, и, по мере развития событий, милиция взяла ситуацию в селе Усухчай под контроль. Все приводит к выводу о том, что милиция препятствовала входу протестующих в село Усухчай и проведению митинга в сущности потому, что милиция считала, что митинг было "несанкционированным", однако причины, побудившие районную администрацию не согласовывать проведение митинга, были либо неубедительными, либо не имели четкой юридической основы. В свете вышеизложенного, полное блокирование села являлось чрезмерной мерой.

153. Суд приходит к выводу, что в части, в которой первый и третий заявители жаловались на невозможность проведения митинга утром 25 апреля 2006 года в селе Усухчай, реакция органов власти была несоразмерной. Таким образом, в данном отношении имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

(у) Столкновение между протестующими и милицией около села Мискинджа

154. Теперь Суд обратится ко второму этапу событий, который завершился столкновением между протестующими и милицией около села Мискинджа и в результате которого несколько человек получили ранения и были убиты. Суд отмечает, что, как следует из материалов дела, первый и третий заявители следовали с толпой в село Мискинджа и находились в месте событий, когда началась конфронтация; однако через некоторое время они ушли. Выводы внутреннего расследования по этому эпизоду не были окончательными; Суд готов признать, что оба заявителя принимали участие в митинге в большей части его второго этапа.

155. Суд напоминает, что статья 11 не регламентирует публичные мероприятия, организаторы и участники которых имеют намерение применения насилия (см. дело *Станкова и Объединенной организации Македонии "Илинден"*, процитированное выше, п. 77). Однако, физическое лицо не может быть лишено права на участие в мирных собраниях в результате единичных актов насилия или совершения других наказуемых деяний в процессе митинга, если сохраняет мирные намерения или поведение (см. постановление по делу *Зилиберберга*, а также по делу *Швабе и М.Г.*, п. 92, процитированные выше). Суд

поддерживает мнение Комиссии в деле «Христиане против расизма и фашизма против Великобритании» (*Christians against racism and fascism v. the United Kingdom*) (Решение Комиссии от 16 июля 1998 года № 8440/78, Сборник судебных решений 21, стр. 48), в котором Комиссия постановила:

«... [Возможность экстремистов с насильственными намерениями, не являющимися членами организованных обществ, присоединяться к митингу, не может фактически исключать [прав по статье 11]. Даже если существует реальный риск, что публичное мероприятие выльется в беспорядки вследствие событий, находящихся вне сферы контроля организаторов, такое мероприятие не может исключительно по указанной причине не подпадать под действие пункта 1 статьи 11 Конвенции.»

156. В настоящем деле стороны не сошлись во мнениях по вопросу о том, кто несет ответственность за эскалацию насилия: протестующие или милиция. Необходимо установить, оправдываются ли действия милиции, которые привели к потере жизни и причинили вред здоровью, характером насилия.. Однако в качестве предварительного вывода Суд готов допустить, что во время второго этапа событий 25 апреля 2006 года протестующие по-прежнему находились под защитой статьи 11 Конвенции. Также необходимо установить, является ли реакция органов власти в условиях усиления насилия днем 25 апреля 2006 года соразмерной преследуемой цели, а именно предотвращения беспорядков.

157. Суд отмечает, что в случаях, когда обе стороны (демонстранты и милиция) участвуют в насильственных действиях, иногда необходимо рассмотреть, кто начал такие насильственные действия. Ситуация была рассмотрена с этой точки зрения в деле "Нуреттин Альдемир и другие против Турции" (*Nurettin Aldemir and Others v. Turkey*) (№№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, п. 45, 18 декабря 2007 года), в которых Суд постановил:

«Суд отмечает, что доказательства для того, чтобы предположить, что обсуждаемая группа первоначально представляла серьезную опасность для общественного порядка, отсутствуют. Тем не менее, вероятно, что она могла стать причиной нарушений, в частности, частичного заполнения площади в центре Анкары. Выяснилось, что демонстранты, включая заявителей, желали привлечь внимание к важному законопроекту, предлагаемому Парламентом, и их митинг изначально был мирным. Однако органы власти быстро приложили значительные усилия в целях его разгона, что привело к повышению напряженности и последующим столкновениям.»

Суд пришел к выводу в этом деле, что силовое вмешательство сотрудников полиции было несоразмерным. Необходимо подчеркнуть, что в терминах национального права публичное мероприятие в указанном случае было "незаконным", поскольку оно было проведено в месте, не согласованном органами власти(см. п. 7).

158. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что около 13 часов протестующие блокировали дорогу двумя баррикадами, и, когда милиция после длительных переговоров попыталась расчистить дорогу в целях возобновления движения, некоторые из протестующих начали кидать камни в сотрудников милиции и нападать на них с железными прутьями, деревянными палками и ножами. Тот факт, что протестующие напали на милицию первыми и что сотрудники милиции применили огнестрельное оружие в ответ на указанные действия и в целях самозащиты, установлен в заключении, составленном по результатам проверки действий сотрудников МВД Республики Дагестан в связи с событиями в Докузпаринском районе от 10 мая 2006 года (см. пункт 66 выше), и постановлении о прекращении уголовного преследования от 25 декабря 2006 года в рамках уголовного дела №67610 (см. пункт 50 выше). Суд напоминает, что заявители не оспаривали эти выводы в национальных судах и не критиковали процедуру ведения следствия и судебных разбирательств (см. пункт 141 выше).

159. Кроме того, эти выводы сами по себе не были произвольными. Таким образом, несколько свидетелей показали, что протестующие кидали в милицию камни (см. пункт 52 выше). На месте столкновения были обнаружены гильзы, которые не относились к оружию милиции (см. пункт 51 выше). Несколько милиционеров были ранены, и один получил пулевое ранение из охотничьего ружья (см. пункт 50 выше). Точную хронологию событий трудно установить, поскольку показания свидетелей, собранные следствием, содержат противоречия (сравнить, например, пункты 35 и 36 выше). Однако основной вывод следствия, а именно, то, что протестующие первыми напали на милицию, нашел подтверждение в материалах дела (см., в частности, пункты 34, 36, 37, 38 и 40). Кроме того, неоспоримым является тот факт, что, несмотря на направление более 180 сотрудников милиции, их численность была существенно меньше численности демонстрантов.

160. Суд не исключает, что органы власти могли быть частично ответственными за случившееся на дороге около села Мискинджа. Таким образом, толпа пошла в село Мискинджа, поскольку митинг не мог состояться в селе Усучай, как планировалось первоначально. Однако даже если решение 17 апреля 2006 года об отказе в согласовании митинга было ошибочным, и даже если блокировка села Усучай была несоразмерной мерой, это не давало протестующим права блокировать дорогу и нападать на милицию. Суд подчеркивает, что протестующие не ограничились проведением митинга в другом месте; они блокировали федеральную трассу и требовали присутствия руководства Республики Дагестан для дальнейших переговоров. Как следует из материалов, находящихся в распоряжении Суда, дорога, блокированная протестующими, была основной трассой, соединяющей

несколько горных сел. Таким образом, ее блокирование превысило возможную дезорганизацию в работе транспорта и передвижения пешеходов, которыми часто сопровождаются митинги в крупных городах. В указанных обстоятельствах вмешательство милиции не считается превышением пределов усмотрения органами власти.

161. Суд отмечает, что не все протестующие участвовали в насильственных действиях. Кроме того, отсутствуют весомые доказательства того, что первый и третий заявители лично участвовали в любых насильственных действиях: таким образом, несмотря на то, что первого заявителя первоначально подозревали в подстрекательстве протестующих к блокированию дороги и противостоянии милиции "с применением огнестрельного оружия", обвинения против него частично сняты. Что касается третьего заявителя, его никогда не подозревали в применении насилия во время событий 25 апреля 2006 года; его задержание и последующее уголовное преследование относились к его участию в инциденте 19 апреля 2006 года.

162. Исходя из этого, события на дороге около села Мискинджа не могут быть описаны как пограничные или единичные акты насилия (см. дело *Зилиберберга*, процитированное выше). Значительная часть митингующих переступила границу мирного протеста, напала на представителей органов правопорядка с камнями, палками, прутьями и ножами и серьезно ранила нескольких из них (см. пункт 66 выше). В этом контексте применение специальных средств и даже огнестрельного оружия милицией не кажется необоснованным. Даже если некоторые сотрудники милиции действовали непрофессионально и в нарушение правил применения пусковых систем газовых гранат (там же), доказательства произвольного применения огнестрельного оружия для убийства или ранения протестующих отсутствуют.

163. Суд подчеркивает, что отсутствуют жалобы от лиц, раненых милицией во время столкновения, или родственников убитого газовой гранатой. В контексте статьи 11 Суд готов прийти к выводу, что общая реакция органов власти на блокирование дороги и агрессивное поведение большой группы протестующих не была несоразмерной. Следовательно, по настоящему делу отсутствует нарушение статьи 11 Конвенции.

(д) Задержание первого заявителя (с точки зрения статьи 11)

164. Наконец, Суд обращается к жалобе первого заявителя на его задержание 29 апреля 2006 года. Эта часть дела уже была рассмотрена Судом по статье 5; в частности, Суд установил, что органы власти имели основания подозревать заявителя в подстрекательстве толпы к нападению на милицию, что решение о его задержании и постановление о содержании заявителя под стражей были вынесены ввиду необходимости дальнейшего расследования его роли в событиях

25 апреля 2006 года. Суд также считает, что содержание заявителя под стражей не являлось чрезмерной мерой в целях пункта 3 статьи 5 Конвенции. Теперь те же факты необходимо рассмотреть через призму права на мирные собрания. Вопрос о содержании заявителя под стражей в ходе предварительного расследования его роли в событиях 25 апреля 2006 года является совместимым со статьей 11 Конвенции.

165. Суд отвечает на этот вопрос утвердительно. Суд напоминает, что органы власти имели определенные *prima facie* доказательства в поддержку первоначального подозрения в отношении первого заявителя (см. пункты 40 и 41 выше) и что крайне насильственный характер столкновения днем 25 апреля 2006 года делает мнение органов власти еще более заслуживающим доверия. Отсутствуют доказательства того, что органы власти имели в распоряжении важные доказательства или важную информацию, которая могла опровергнуть подозрение в отношении заявителя и которую они осознанно игнорировали. Таким образом, можно бесспорно прийти к выводу, что власти действительно подозревали заявителя в подстрекательстве к нападению на милицию. Следовательно, задержание и содержание заявителя под стражей имели законные основания (см. выводы Суда по подпункту "с" пункта 1 статьи 5 выше) и преследовали законную цель "предотвращения беспорядков и правонарушений". Что касается соразмерности меры, Суд отмечает, что статья 11 не обеспечивает иммунитет от судебного преследования за насильственные действия во время публичных мероприятий, особенно в случаях, когда характер насилия является значительным, как в настоящем деле. Отсутствуют доказательства того, что органы власти действовали недобросовестно, длительность содержания под стражей в ходе предварительного следствия (два месяца), по-видимому, является обоснованной, учитывая сложность дела. Наконец, тот факт, что заявитель был в итоге освобожден и предъявленные ему обвинения сняты за отсутствием достаточных улик его участия в насильственных действиях, является показателем желания органов власти установить истину, а не просто возложить вину за трагические события 25 апреля 2006 года на лидеров протестующих. В указанных обстоятельствах Суд готов прийти к выводу, что содержание первого заявителя под стражей в течение двух месяцев после событий 25 апреля 2006 года не противоречило статье 11 Конвенции. Следовательно, в этом отношении Конвенция не была нарушена.

III. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

166. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

167. Заявители требовали 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

168. Власти полагали, что признание нарушения будет составлять достаточную справедливую компенсацию. Суммы, которые требовали заявители, были, по мнению Властей, чрезмерными.

169. Суд напоминает, что все жалобы второго заявителя были объявлены неприемлемыми. Что касается первого и третьего заявителей, Суд установил нарушение статьи 11 исключительно в связи с событиями утра 25 апреля 2006 года, установив отсутствие нарушения во всех других отношениях.

170. В свете всех материалов, находящихся в его распоряжении, а также принимая во внимание выводы по статье 11 Конвенции, Суд присуждает первому и третьему заявителям на справедливой основе сумму 7500 евро каждому в качестве компенсации морального вреда.

В. Расходы и издержки

171. Заявители также потребовали 2 770 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных в Суде.

172. Власти требовали не выплачивать вышеуказанную сумму адвокатам, поскольку расходы не были в действительности понесены.

173. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой он доказал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были необходимыми и являлись целесообразными с точки зрения их размера. Власти не оспаривали обоснованность адвокатских тарифов или факт оказания юридических услуг заявителям указанными адвокатами. Что касается "несения в действительности" расходов, Суд напоминает, что даже в случае, когда юридическое вознаграждение не было выплачено, оно остается "подлежащим возмещению" по нормам национального права (см. постановление по делу "Фадеева против России" (*Fadeyeva v. Russia*) № 55723/00, п. 147, ECHR 2005-IV). Таким образом, Суд готов считать

такие расходы "понесенными в действительности". В то же время Суд готов уменьшить указанную сумму судебных издержек, учитывая, что не все жалобы первого и третьего заявителей были объявлены приемлемыми. Принимая во внимание документы, находящиеся в его распоряжении, а также вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить сумму 2 000 евро на покрытие расходов, понесенных в ходе разбирательств в Суде первому и третьему заявителям.

В. Процентная ставка при просрочке платежей

174. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД:

1. *Объявляет* единогласно жалобы первого и третьего заявителей по статье 11 Конвенции, касающиеся событий 25 апреля 2006 года, а также жалобу первого заявителя на задержание и содержание под стражей приемлемыми, остальную часть жалобы заявителей - неприемлемой;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 11 Конвенции в отношении невозможности первого и третьего заявителей участвовать в митинге утром 25 апреля 2006 года в селе Усукчай;
3. *Постановляет* пятью голосами против двух, что отсутствовало нарушение статьи 11 Конвенции в отношении действий органов власти днем 25 апреля 2006 года на дороге около села Мискинджа;
4. *Постановляет* единогласно, что отсутствовало нарушение статьи 11 Конвенции в отношении задержания и содержания первого заявителя под стражей;
5. *Постановляет* единогласно
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить первому и третьему заявителям в течение трех месяцев с даты вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44

Конвенции следующие суммы, которые конвертируются в российские рубли по курсу, действующему в момент уплаты:

- (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро первому и третьему заявителям, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального вреда;
 - (ii) 2 000 (две тысячи) евро совместно первому и третьему заявителям в качестве компенсации судебных расходов и издержек, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;
6. Единогласно *отказывает* в удовлетворении остальных требований справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 12 июня 2014 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда, к данному постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (а) совпадающее мнение судьи Дедова;
- (б) частично совпадающее, особое мнение судей Пинто де Альбукерке и Туркович.

И.Б.Л.

С. Н.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

1. Мое мнение относится к толкованию Судом в настоящем деле статьи 11 Конвенции. Суд установил нарушение указанной статьи в отношении факта невозможности проведения публичного мероприятия. Суд постановил, в частности, что "ограничение свободы собраний на основании идейного содержания" следует обосновывать убедительными аргументами и что Власти не представили такие аргументы. Но в действительности были приведены аргументы, и митинг был запрещен по причине предположительно некорректного идейного содержания, транслируемого ее организаторами, поскольку, по утверждениям органов власти, все утверждения о коррупции были ложными и были опровергнуты официальными расследованиями и проверками (см. пункты 132-136 постановления). Суд не разъяснил, почему эти аргументы были неубедительными. Суд также установил отсутствие нарушения статьи 11 в отношении принудительного разгона митинга. По моему мнению, существует связь между отказом в согласовании проведения митинга на основании содержания и последующим блокированием и столкновением между протестующими и милицией. Предварительная реакция органов власти на письмо от 17 апреля 2006 года (см. пункт 7) являлась формальной и противоречила основным принципам управления в демократическом обществе, и в результате привела к неудовлетворенности, которая обернулась грубыми нарушениями, нетерпимостью и, в конце концов, насилием. Если предметом критики являлись коррупция и растрата, как в настоящем деле, то диалог между органами власти и организаторами, а также участие последних в расследовании и проверке являлись необходимыми в целях обеспечения легитимности полномочий органов власти. Следовательно, органы власти несут частичную ответственность за насилие, совершенное демонстрантами и милицией.

2. Какие основные принципы являются применимыми в настоящем деле? Помимо выборов, участие граждан, включая протестную форму, является единственным способом, которым можно привлечь внимание властей к претензиям. Для того, чтобы участие граждан было эффективным, власти должны реагировать на проблемы, поднятые населением, поскольку сила влияния физического лица неизбежно ограничена реакцией властей. Поскольку свобода собраний и объединений считается основополагающей для демократического самоуправления, действенность этих свобод уменьшается, когда представители органов власти не реагируют на поднятые проблемы. Предположительно, представители органов власти не могут претворять в жизнь все изменения или предложения, отстаиваемые несогласными гражданами. Но проблема возникает, когда

должностные лица не реагируют или реагируют формально или снисходительно на претензии в отношении неправомерного поведения представителей органов власти (а в фактах настоящего дела тот факт, что должностное лицо, отклоняющее претензии, является должностным лицом, которому они предъявлены, представляет еще большую проблему). Право на свободу собраний в целях заявления требований властям для устранения несправедливости представляет собой бессодержательное право, когда должностные лица реагируют ненадлежащим образом на потенциально обоснованные вопросы о коррупции. Это особенно касается местных властей, которые ближе и более доступны населению.

3. Факты настоящего дела представляют собой тревожную картину в отношении реакции местных властей на жалобы заявителей. После получения уведомления о том, что заявители намереваются провести митинг в целях осуждения предполагаемой коррупции и растрат А., а также отсутствия опровержения этих злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, местные власти отреагировали объявлением этих предположений безосновательными. По сути, эта реакция дает повод предположить, что заявителям было запрещено проводить митинг на том основании, что власти считали их взгляды неправильными. Однако основной целью права на свободу объединений и собраний является обеспечение гражданам возможности собираться в целях выражения собственной точки зрения по поводу деятельности властей, а также в целях требования привлечения к ответственности за очевидные недостатки; власти не вправе препятствовать протестам по причине убеждения должностных лиц, что позиция протестующих является неправильной. Этот вид ненадлежащей реакции на обеспокоенность граждан подрывает одну из ключевых функций права на свободу собраний, а именно, право граждан на самоуправление и доведение своей точки зрения до органов власти. В случае лишения местными властями возможности проведения митинга, чтобы поднять проблему предполагаемой коррупции, протестующим фактически отказывают в возможности быть услышанными общественностью и местной властью. Кроме того, демонстранты в равной мере имели права на выражение неудовлетворения реакцией властей в том смысле, что их опасения являлись безосновательными.

4. Общепризнанно, что свобода слова, собраний и объединений является основой активного гражданского общества в целях развития действующего демократического государственного управления. Многократно подчеркивалось, что общественное обсуждение является политической обязанностью и самой основой конституционного строя (см. постановления по делам "Уитни против штата Калифорния" (*Whitney v. California*), 274 U.S. 357 (1927); "Де Джонж против штата

Орегон" (*De Jonge v. Oregon*), 299 U.S. 353 (1937); и "Нью-Йорк Таймс" против Салливана" (*New York Times Co. v. Sullivan*), 376 U.S. 254 (1964)), и что свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества, а также одно из основных условий его развития и самовыражения каждой личности (см. постановление по делу "Штоль против Швейцарии" (*Stoll v. Switzerland*) [GC] (№ 69698/01, п. 101, ECHR 2007-V), и "Швейцарское движение разлитов против Швейцарии" (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*) [GC], № 16354/06, п. 48, 13 июля 2012 г.).

5. Совет Европы также выразил обеспокоенность по поводу демократического самоуправления посредством Резолюции Конгресса местных и региональных властей №326 об участии граждан на местном и региональном уровнях власти в Европе, принятой в 2011 году, которая призывает страны-участницы принять меры по повышению форм гражданского участия в государственном управлении путем таких методов как комиссии, инициативы и референдумы, поскольку "недавние демонстрации и события в Европе и рядом с ее границами свидетельствуют о растущей потребности граждан в том, чтобы они были услышаны своими выборными политиками и чтобы сами граждане могли влиять на политику на всех уровнях и в периоды между выборами". В целом, пункт 2 Резолюции гласит:

"Для эффективного управления на местном и региональном уровнях важнейшее значение имеет ситуация когда граждане имеют возможность поддерживать прямые контакты с выборными официальными лицами и имеют определенное влияние на осуществление полномочий органов власти и их ответственности. Именно на этих уровнях могут быть учтены те проблемы, которые их непосредственно волнуют. Прямая работа с людьми на местах является важнейшим условием того, как именно должны действовать местные и региональные выборные представители".

Парламентская ассамблея Совета Европы выразила аналогичную озабоченность. Жан-Клод Миньон, президент ПАСЕ, заявил во время проведения круглого стола в 2012 году в рамках Всемирного форума в поддержку демократии, что "гражданам следует высказывать свое мнение о состоянии общественных дел не только раз в четыре или пять лет, а каждый день"¹.

6. Я полагаю, что органы власти не выказали уважения к общественному обсуждению, поскольку они не понимали его важности и роли в демократическом обществе, а также для национального конституционного порядка.

¹. Mignon J.-C. Towards a Democracy More Representative of Citizens (Ж.-К. Миньон "На пути к демократии, лучше представляющей интересы граждан"), 10 октября 2012 г.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ И ТУРКОВИЧ

1. В настоящем деле заявители оспаривали четыре разных, но взаимосвязанных действия администрации и милиции: (1) отказ в согласовании времени и места проведения публичного мероприятия районной администрацией 25 апреля 2006 г.; (2) препятствие милицией доступу протестующих в выбранное место проведения митинга в указанный день; (3) разгон митинга милицией; и (4) задержание и заключение под стражу первого и третьего заявителей 29 апреля 2006 г., после митинга, а также второго заявителя 21 апреля 2006 г., до митинга. Мы согласны с большинством выводов по пунктам (1), (2) и (4), хотя и по разным причинам. Но мы совершенно не согласны с большинством судей по пункту (3), который является ключевым в этом сложном деле. В отличие от большинства, мы полагаем, что милиция действовала незаконно и несоразмерно, когда произвела 747 пулевых выстрелов из автоматов и двадцать три выстрела газовыми гранатами 23 мм в демонстрантов, что привело к смерти одного из них от ранения газовой гранатой в грудную клетку и получению нескольких огнестрельных ранений четырьмя другими демонстрантами. В действительности, это чудо, что такая жестокая реакция не привела к большему числу жертв².

Факты

2. Мы не согласны с оценкой, данной большинством судей доказательствам по делу. Мы считаем, что аргументация большинства в этом отношении говорит одновременно слишком много и слишком мало. С одной стороны, большинство судей воздержалось от ясного вывода, который был сделан по результатам российского уголовного преследования, о том, что милиция нарушила закон, и в частности, что были произведены запрещенные выстрелы газовыми гранатами, а именно, в нарушение инструкции о применении газовых гранат,

². Как будет продемонстрировано в этом мнении, абсолютная тяжесть фактов, приписываемых государству-ответчику, большая сложность соответствующих юридических вопросов и, прежде всего, необходимость разъяснения теста на "очевидную и неминуемую опасность", применяемого для оценки соразмерности разгона агрессивных демонстраций, являются основанием для вмешательства Большой Палаты. Кроме того, вывод, сделанный Палатой по вопросу применения газовых гранат во время митинга, прямо противоречит актуальной прецедентной практике Европейского Суда по правам человека ("Суда"), установленной в деле "Абдулла Яша и другие против Турции" (*Abdullah Yaşa and Others v. Turkey*) (№ 44827/08, 16 июля 2013 г.).

содержащей запрет "[стрелять] газовыми гранатами непосредственно в людей" (см. пункты 66 и 71 постановления). Но дело не дошло до того, чтобы освободить милицию от ответственности за правонарушения во время разгона демонстрантов, поскольку большинство пришло к выводу, что милиция действовала "непрофессионально и вопреки правилам применения газовых гранат" (см. пункт 162). К сожалению, этот вывод не был оставлен без изменения при дальнейшей аргументации постановления.

3. С другой стороны, большинство судей не воздерживалось от недопустимых фактических предположений в случаях, когда российское уголовное преследование не привело к окончательному выводу, как, например, по вопросам о числе вспыльчивых демонстрантов и источнике насилия. Несмотря на то, что свидетели говорили о "группе юнцов" (пункт 39), "группе подростков" (пункт 40) и "группе молодых людей" (пункт 52), демонстрирующих агрессивное поведение, большинство судей ссылалось на "значительное число демонстрантов" (пункт 162) или "большую группу протестующих" (пункт 163), демонстрирующих такое поведение. В случае, когда российский уголовное расследование пришло к выводу о том, что группа молодых людей просто "начала кидать камни и выкрикивать оскорбления в адрес сотрудников милиции" (пункт 52), большинство судей пришло к выводу, что демонстранты "напали на милицию с камнями, палками, прутьями и ножами" (пункт 162, ссылка на заключение Министерства внутренних дел, процитированный в пункте 66).

4. Более того, большинство просто игнорировало решающие доказательства. Показания заявителей, данные во время российского уголовного процесса, не были приняты во внимание, несмотря на наличие неоспоримой видеозаписи и свидетельских показаний, что первый и третий заявители вели себя мирно во время митинга и что первый заявитель покинул место проведения митинга до начала столкновения с милицией (см. пункты 54-56). К тому же сам факт прекращения уголовных дел против заявителей за отсутствием улик не был принят во внимание. Ни показания, данные в ходе уголовного следствия, ни его выводы не были приняты всерьез. В основном, большинство приняло как неоспоримый факт выводы расследования, проведенного федеральным Министерством внутренних дел, которые были основаны на показаниях сотрудников милиции, принимавших участие в разгоне митинга, включая командира "объединенного отряда" Из. (см. пункт 66), без учета того факта, что ни один из сотрудников милиции не ссылался на применение ножей или огнестрельного оружия демонстрантами против милиции в своих показаниях, данных следователю по уголовным делам, или того факта, что сотрудник милиции даже отказался от ранее данных показаний.

обвиняющих демонстрантов в насильственном поведении в отношении милиции (см. пункт 53). Несмотря на то, что были основания подозревать, что огнестрельная рана ступни сотрудника милиции (Ил.) предположительно была случайно нанесенной самому себе, тот факт, что медицинское заключение Ил. не было представлено Властями Суду также, видимо, не имел значения для большинства (см. пункт 33, в отличие от пункта 19). Наконец, тот решающий факт, что выстрелы газовыми гранатами милиция произвела "в направлении толпы", как признали сами Власти (см. пункт 29), и что одна из этих газовых гранат попала в грудную клетку демонстранту и убила его (см. пункт 31), был полностью оставлен большинством без внимания. Таким образом, утверждение, что "основной вывод следствия, а именно то, что протестующие первыми напали на милицию, нашел подтверждение в материалах дела (см., в частности, пункты 34, 36, 37, 38 и 40)" отражает одностороннее толкование доказательств. Мы считаем его необубедительным.

5. Оценка доказательств была особенно затруднена вследствие недостатков российского расследования, проведенного сразу после событий, и была обострена из-за недостаточной информации, предоставленной Властями (см. пункт 32). Российское уголовное расследование было безрезультатным, несмотря на показания семидесяти свидетелей и проведение баллистической и судебно-медицинской экспертизы. Оно не пришло ни к какому выводу в отношении установления лиц, ответственных за смерть и ранения во время митинга 25 апреля 2006 года. Другими словами, национальные судебные органы не знали и до настоящего дня не знают, кто совершал и какие именно действия 25 апреля 2006 года на дороге, ведущей в село Мискинджа, и, соответственно, прекратили следствие в феврале 2007 года, а после его возобновления снова закрыли его в январе 2010 года. Если в 2007 году судебные органы знали немного о последовательности событий, то спустя семь лет Суду известно еще меньше. Любые фактические предположения, сделанные в 2014 г. на основании не оконченного уголовного следствия, и, что еще хуже, на основании внутренней проверки Министерства внутренних дел на основе показаний, данных теми самими сотрудниками милиции, которые находились под следствием, представляют собой не что иное, как иллюзию. Следовательно, Суду необходимо воздержаться от возложения на заявителей ответственности за серьезный инцидент, который произошел 25 апреля 2006 года, и вместо этого следует придерживаться того факта, что в указанный день милиция использовала опасное оружие незаконно против демонстрантов и убила одного из них.

6. Что касается ОБСЕ, Венецианская комиссия и Специальный докладчик ООН по правам на свободу мирных собраний и

объединений неоднократно подчеркивали, что существует презумпция в пользу проведения мирных собраний, которая означает, что собрание следует считать законным, а также не представляющим угрозы для общественного порядка до тех пор, пока Власти не представят убедительные доказательства, опровергающие такое предположение³. В настоящем деле Власти не представили доказательства необходимого удовлетворительного уровня, подтверждающие, что насилие начали демонстранты, и еще меньше доказательств того, что заявители каким-либо образом участвовали в насильственных действиях в отношении милиции. Фактически, доступные доказательства опровергают этот тезис. Большинство судей не приняло во внимание указанную презумпцию, признанную актуальными международными стандартами прав человека.

7. В заключение необходимо отметить, что основным выводом следствия является не вывод о том, что демонстранты первыми напали на милицию, а о том, что милиция нарушила закон, и в частности, инструкцию, запрещающую выстрелы газовыми гранатами в демонстрантов ("в направлении толпы"), и что такое поведение милиции привело к человеческим жертвам. Этот неоспоримый факт не был принят во внимание большинством на том основании, что в деле отсутствовала жалоба по статье 2. Такая аргументация является совершенно безосновательной, поскольку отсутствие жалобы по статье 2 определенно не освобождает большинство от рассмотрения всего множества "специальных средств", примененных милицией против демонстрантов, а также способа их применения. Напротив, необходимо рассмотреть эти вопросы в целях выполнения справедливой оценки соразмерности "общей реакции" милиции во время митинга 25 апреля 2006 года и в целях обеспечения возможности в итоге сделать вывод о соответствии поведения милиции статье 11 Европейской Конвенции о защите прав человека ("Конвенции"). Делать выводы на основе иных фактов означает не видеть за деревьями леса⁴.

³. См. Руководящие принципы по свободе мирных собраний Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., второе издание, руководящий принцип 2.1, а также Доклад Специального докладчика ООН по правам на свободу мирных собраний и объединений от 24 апреля 2013 г. A/HRC/23/39, пункт 50.

⁴. Большинство судей даже не посчитало важным расследовать, был ли покойный Нх. вооружен и применял ли он насилие в отношении милиции. В постановлении по делу "Солому и другие против Турции" (*Solomou and Others v. Turkey*) (№36832/97, 24 июня 2008 г.), Суд установил нарушение статьи 2 в отношении расстрела невооруженного демонстранта, несмотря на тот факт, что некоторые другие демонстранты были вооружены железными прутьями. Таким образом, принцип, установленный в деле "Солому и другие", в соответствии с которым запрещается применение смертоносного насилия в отношении мирных невооруженных демонстрантов, был подвергнут сомнению большинством судей в настоящем деле.

Законность и соразмерность запрета митинга

8. Отказ в согласовании времени и места проведения митинга 25 апреля 2006 года районной администрацией на основании предположительного несоблюдения сроков подачи уведомления о публичном мероприятии органам власти, недостаточной вместимости избранного организаторами места проведения митинга, а также предположительного критического идейного содержания выступления протестующих, очевидно, шел вразрез с международными обязательствами государства-ответчика, а именно, со статьей 11 Конвенции⁵. В данном случае политический характер собрания и характер поведения административных и правоохранительных органов с нарушением негативного обязательства не вмешиваться безосновательно в право на свободу собраний, а также общественное место, где действовала милиция, указывают на узость пределов усмотрения местной администрации. В свете этого стандарта, причины, повлекшие вмешательство Властей, являются совершенно необоснованными.

9. Фактически, первая причина является совершенно необоснованной. Законодательство РФ требовало от организаторов "подачи" уведомления не ранее чем за 15 и не позднее 10 дней до запланированного события, и при несоблюдении такого требования публичное мероприятие было бы запрещено⁶. Помимо недостаточной ясности этого правила, уже подчеркнутой постановлением большинства, способ применения закона является предметом обоснованной критики. Толкование районной администрацией, согласно которому уведомление должно было быть получено до предельного срока, является очевидно произвольным, поскольку оно возлагает на организаторов ответственность за любую задержку, произошедшую по вине государственной почтовой службы. Это толкование налагает неоправданное бремя на организаторов митинга ввиду явного факта, что они не могут предотвратить задержки работы государственной почтовой службы, за которые они не несут ответственности. Поскольку организаторы митинга направили уведомление о планируемом публичном мероприятии в надлежащий срок, ответственность за любую задержку доставки этого уведомления

⁵. Это мнение не затрагивает спорное распоряжение о тайном наблюдении за лидерами демонстрантов, а также видеозаписи митинга (см. пункт 20). Эти деликатные вопросы (см. Руководящие принципы по свободе мирных собраний Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, пункт 169 пояснительной записки) не были подняты заявителями в жалобах.

⁶. Статьи 5.5 и 7.1 Федерального закона Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях от 18 августа 2004 г. ("Закон о собраниях"). Юридическое выражение "отказ в разрешении" является нейтральным синонимом понятия "запрет".

адресатам должна нести государственная почтовая служба, и такая ответственность не может быть возложена на организаторов⁷. Кроме того, по признанию Властей, уведомление о митинге было получено местной администрацией за восемь дней до проведения митинга⁸, что обеспечивало администрации достаточный срок для принятия всех необходимых мер, гарантирующих соблюдение закона⁹. В целом, любое требование, касающееся направления уведомления органам государственной власти, не может быть чрезмерно строгим с точки зрения сроков, и организаторы могут нести ответственность исключительно за задержку подачи уведомления, а не за задержку его получения. В любом случае несоблюдение такого требования не может считаться достаточным основанием для запрета митинга¹⁰.

10. Вторая причина отказа в согласовании времени и места проведения митинга также является необоснованной. Место, избранное организаторами, парк отдыха, является традиционным местом общественных собраний, в котором Власти не могут ограничивать выступления на основании их содержания, за исключением случаев, когда Власти могут продемонстрировать необходимость такого регулирования в целях обеспечения очевидных государственных интересов и точный учет специфики достижения таких интересов. Кроме того, несмотря на возможность регулирования времени, места и формы собраний, такие нормы не могут носить характер, посягающий на саму суть права на свободу собраний и, следовательно, должны учитывать цель демонстрантов. В рассматриваемом случае районная администрация противодействовала митингу в парке отдыха, поскольку он, предположительно, мог вместить 500 человек, что было намного меньше оценочного количества в 5000 демонстрантов. По утверждениям Властей, "органы

⁷. См. Общее мнение о Законе о мирных собраниях в Украине Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2010)033, п.30: "Рекомендуется сосредоточить внимание на дне подачи уведомления и(или) дне отправления уведомления вместо того, чтобы сосредотачивать внимание на дне прибытия уведомления, поскольку непреднамеренные задержки возможны вследствие работы почтовых служб."

⁸. См. страницу 3 замечаний Властей.

⁹. См. Руководящие принципы по свободе мирных собраний Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, руководящий принцип 4.1. и пункт 116 пояснительных примечаний, а также Общее мнение о Законе о массовых мероприятиях в Республике Беларусь Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD (2012)006 OSCE/ODIHR, п. 78; см. также Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 2013 г., процитированный выше, пункты 52 и 55.

¹⁰. Ввиду этого вывода, статья 5.5 Закона о собраниях РФ, рассматриваемая совместно с предельными сроками, изложенными в статье 7.1. является несовместимой со Статьей 11 Конвенции. К точно такому же выводу пришла Венецианская комиссия в Мнении о Федеральном законе "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в РФ, CDL-AD(2012)007, пп. 33 и 37.

власти" предлагали организаторам провести митинг на территории "гаража", и это предложение было отклонено (см. пункты 23 и 34). Даже если первоначальная обеспокоенность государственных органов власти обеспечением безопасности мероприятия могла служить основанием для изменения места проведения, предлагаемое альтернативное место проведения было очевидно неприемлемым по двум причинам. Во-первых, предлагаемое изменение места проведения мероприятия с открытой площадки на помещение, в котором впечатление от мероприятия было бы приглушено, повлекло бы значительное уменьшение практического воздействия мероприятия на должностное лицо, ставшее целью критики демонстрантов, и возглавляемый им административный орган, а также лишило бы митинг цели повышения политической осведомленности населения в целом¹¹. Во-вторых, что более важно, предложенное альтернативное место проведения неизбежно влекло уменьшение числа демонстрантов, ограничивая число людей, допущенных для выражения своих взглядов и участия в общественном обсуждении. Оба ограничения однозначно бы оказали влияние на саму суть права демонстрантов на свободу собраний. Если обозначить общий подход, государственные органы власти не вправе устанавливать прямое или косвенное ограничение числа участников митинга или место проведения, в котором ограничение доступного пространства повлечет такое уменьшение, или такое ограничение, при котором социальные и политические планы демонстрантов будут сорваны. Кроме того, они не вправе "отказывать в согласовании" (то есть запрещать) проведение

¹¹. Как правило, собрания следует проводить "в пределах видимости и слышимости" целевой аудитории, и любые альтернативы, предлагаемые органами власти, должны быть такими, чтобы идейное содержание, которое протестующие пытаются донести, по-прежнему могло быть эффективно передано лицам, которым оно предназначается. См. Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, руководящий принцип 3.5 и пункты 33, 45, 101 и 123 пояснительных примечаний; Общее мнение о Законе об общественных собраниях Республики Сербия Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2010)031, п. 32; Общее мнение о Законе о мирных собраниях в Украине Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, процитированное выше, п. 35; а также Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 2013 г., процитированный выше, пп. 56 и 60. Таким образом, запрет, содержащийся в статьях 8.2 и 8.3 Закона о собраниях РФ, несовместим со статьей 11 Конвенции. Следует отметить, что Мнение Венецианской комиссии о Федеральном законе о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в РФ, процитированное выше, п. 34, гласит: "Вместо того, чтобы приводить предпосылки, при которых публичные мероприятия всегда будут запрещены либо будут зависеть от процедуры, определяемой Президентом Российской Федерации (см. статью 8.4 Закона о собраниях), общие критерии Закона о собраниях должны установить, при каких обстоятельствах и в какой степени собрания могут представлять угрозу для указанных сооружений, либо функций, осуществляемых в них. Такие критерии могут затем применяться к планируемым собраниям в конкретных случаях."

такого публичного мероприятия, если организаторы отказываются от предлагаемого альтернативного места проведения, и, в случае проведения мероприятия впоследствии на первоначальном месте, не вправе наказывать их, за исключением случаев, когда применяются основания, установленные пунктов 2 статьи 11 Конвенции¹².

11. Наконец, третья причина, приведенная для отказа в согласовании времени и места проведения митинга, представляет собой возмутительное вмешательство в принцип нейтральности содержания норм, регулирующих выражение мнений на политической арене¹³. Согласно этому принципу, Власти не присваивают себе право поддержки всего идейного содержания, транслируемого в общественных заведениях и местах. По-видимому, в случае, произошедшем в Дагестане, было не так. Политическая цель и общественный интерес митинга, который был направлен на критику работы главы районной администрации и осуждение растраты государственных средств, а также преднамеренного уничтожения финансовой отчетности районной администрацией, находились под

¹². Ввиду настоящего вывода, статья 5.5 Закона о собраниях РФ является несовместимой со статьей 11 Конвенции. В своем постановлении от 2 апреля 2009 года Конституционный Суд РФ рассмотрел эту статью и пришел к выводу о том, что она не предоставляет органам власти полномочия запрещать собрания и что альтернативное место и время должны соответствовать социальным и политическим целям мероприятия. Судья Кононов в своем особом мнении присоединился к вышеуказанному постановлению Конституционного суда, и Уполномоченный по правам человека в РФ в своем Специальном докладе о соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания в РФ, 2007 г., подверг критике формулировки и способ применения Закона о собраниях, утверждая, что процедура уведомления выродилась "фактически в процедуру получения разрешения". Мнение Венецианской комиссии о Федеральном законе о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в РФ, процитированное выше, пп. 21-23 и 30, также содержит критику относительно недостаточной ясности статьи 5.5, и итогового широкого усмотрения, предоставляемого органам власти, несовместимого со Статьей 11 Конвенции. Значительный шаг в правильном направлении был сделан в недавнем постановлении Конституционного суда РФ от 14 февраля 2013 г., которое установило, что пункт 4 статьи 2 Федерального закона от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ, в части наделения органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации полномочием определения единых мест, специально предназначенных или приспособленных для проведения публичных мероприятий, не соответствует Конституции РФ в том смысле, что в противоречие требованиям определенности, ясности и однозначности правовых норм, она не содержит критериев обеспечения равенства законных условий, регламентирующих осуществление права на свободу мирных собраний, при определении мест, специально предназначенных или приспособленных для проведения публичных мероприятий органами исполнительной власти субъектов РФ, что порождает возможность различных толкований и, следовательно, произвольного применения.

¹³. См. по вопросу указанного принципа особое мнение судьи Пинто де Альбукерке в деле «Швейцарское движение разлитов против Швейцарии», [GC], № 16354/06, ECHR 2012.

защитой Конституции РФ (статья 31). Даже при условии, что, по утверждению главы районной администрации, компетентные правоохранительные органы, в частности, прокуратура и финансовые органы, такие как Министерство финансов Дагестана, уже расследовали эти заявления и пришли к выводу об отсутствии основания для привлечения к ответственности, эти выводы не имели отношения к цели оценки законности митинга. Тот факт, что глава районной администрации, который сам являлся целью критики демонстрантов, принял решение об отказе в согласовании времени и места проведения митинга с молчаливого согласия прокурора (см. пункт 24), свидетельствует об отсутствии верховенства права в Дагестане. Согласно одному из основополагающих принципов в области верховенства права, а именно, принципу беспристрастности, государственное должностное лицо не должно принимать решение по вопросам, в которых оно имеет личную заинтересованность. В свете указанного принципа ответственное государственное должностное лицо должно быть отстранено от рассмотрения случая, в котором оно является объектом критики лиц, желающих провести митинг. Другими словами, правило, которое можно вывести из принципа беспристрастности, заключается в том, что государственное должностное лицо, являющееся целью критики публичного мероприятия, не должно принимать каких-либо существенных или процессуальных решений по данному вопросу и должно отказаться от рассмотрения этого вопроса.

Законность разгона митинга милицией

12. Поскольку отказ в согласовании времени и места проведения митинга районной администрацией был незаконным, препятствие доступу демонстрантов в избранное место проведения собрания было *a fortiori* незаконным. Незаконность отказа в согласовании времени и места проведения митинга, которая нарушила право протестующих на мирные собрания, проявилась в последующем распоряжении блокировать доступ демонстрантов к месту митинга и, следовательно, в действиях милиции по разгону митинга. Кроме того, отсутствовала явная и неминуемая опасность общественных беспорядков, правонарушений или иных нарушений прав третьих лиц, которые оправдали бы такое вмешательство в право демонстрантов на собрания с 10 до 15 часов, по утверждениям заявителей (см. пункт 18), или до 14 часов, по утверждениям Властей (см. пункт 25)¹⁴.

¹⁴. Пункт 150 постановления не является хорошим примером ясности, поскольку стандарт "выраженного риска небезопасности" не является достаточно определенным, оставляя Суд в неведении относительно оценки масштабов риска. Между тем, это мнение содержит ссылку на тест "явной и неминуемой опасности".

13. Даже допуская, что такая опасность возникла на определенном этапе днем, когда начались столкновения между сотрудниками милиции и демонстрантами, реакция милиции должна была быть выборочной и поэтапной. При конфронтации с агрессивными демонстрантами действия милиции должны быть направлены против определенных демонстрантов, совершающих насильственные действия¹⁵. Кроме того, милиция должна прибегать к использованию

применимый в отношении дел о свободе собраний (см. Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, руководящий принцип 3.3, и пункты 72, 95, 98, 154 (тест на предмет остановки, обыска или помещение под стражу демонстрантов по дороге на собрание) и 166 (проверка на предмет разгона) пояснительных примечаний; Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ по праву на свободу мирных собраний, 2008 г., пункты 63 и 86-90 пояснительных примечаний; Мнение Венецианской комиссии о Федеральном законе о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в РФ, процитированное выше, п. 44; Руководство ОБСЕ по демократическим основам полицейской деятельности, второе издание, 2008 г., пункт 66; Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, 23 мая 2011 г., A/HRC//17/28, пункт 60; Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 21 мая 2012 г., A/HRC/20/27, пункт 35; Мнение о Проекте закона о митингах, собраниях и манифестациях в Болгарии, CDL-AD(2009)035, п. 58; Общее мнение о Законе об общественных собраниях Республики Сербия Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, процитированное выше, п. 13(G); Общее мнение о Законе об общественных собраниях Сараевского кантона (Босния и Герцеговина) Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2010)016, п. 5; Общее мнение о порядке организации и проведении мирных собраний в Украине Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2009)052, п. 5(u); и Межамериканская комиссия по правам человека, Второй доклад о ситуации с защитниками прав человека в Северной и Южной Америке, 31 декабря 2011 г., OEA/Ser.L/V/II, док. 66, пункт 139, Доклад о ситуации с защитниками прав человека в Северной и Южной Америке, 7 марта 2006 г., OEA/Ser.L/V/II.124, док. 5, п. 1, подпункт 58, и Глава IV, Годовой отчет 2002 г., том III "Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на свободу убеждений и их свободное выражение", OEA/Ser. L/V/II. 117, док. 5 п. 1, пункт 34; см. также, окончательно, мнение судьи Пинто де Альбукерке в деле "Фабер против Венгрии" (*Fáber v. Hungary*), №40721/08, 24 июля 2012 г., повтор в мнении судей Раймонди, Йоченю и Пинто де Альбукерке в деле «Кудревичиус и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), № 37553/05, 26 ноября 2013 г., а также мнение судей Пинто де Альбукерке, Туркович и Дедова в деле "Тараненко против России" (*Taranenko v. Russia*), № 19554/05, 15 мая 2014 г.).

¹⁵ См. дело «Зилиберберг против Молдовы» (*Zilberberg v. Moldova*) (dec.), № 61821/00, 4 мая 2004 г., и "Эзелин против Франции" (*Ezelin v. France*), 26 апреля 1991 г., серия А № 202; см. также Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, пункты 25, 71, 111, 159, 164 и 167 пояснительных примечаний; Общее мнение о Законе о собраниях Республики Сербия Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, процитированное выше, п. 48; Общее мнение о дополнениях Закона о праве граждан собираться мирно, без оружия, и свободно проводить митинги и демонстрации Кыргызской Республики Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2008)025, п. 48; Мнение о

более опасных средств, только если менее опасные показали свою неэффективность, придерживаясь шкалы постепенного наращивания силы, которая должна быть определена законодательно и включать в себя устные команды, применение силы рук и телесных усилий, водяных пушек, слезоточивого газа и других химических веществ, дубинок или другого оружия ударного воздействия, собак, использование пластиковых или резиновых пуль и других несмертельных поражающих элементов и, наконец, открытие огня на поражение¹⁶. Кроме того, особо опасные средства, такие как газовые гранаты, должны применяться в строгом соответствии с действующими техническими инструкциями во избежание причинения излишнего вреда, и в частности, выстрелы такими гранатами не должны быть произведены "прямо в людей". Сотрудники милиции Дагестана сделали противоположное. Выстрелы газовыми гранатами были произведены "в направлении толпы", что означает, что они были произведены запрещенным образом (см. пункты 66 и 71). Кроме того, выстрелы были произведены беспорядочно, не принимая во внимание жизнь и здоровье тех демонстрантов, которые не были агрессивными, и без учета порядка очередности применения других менее опасных средств¹⁷. Такое поведение является нарушением не только законодательства РФ (см. пункт 71), но также и европейского стандарта, установленного Судом в деле *Абдуллы Яша и других*¹⁸.

Соразмерность действий милиции при разгоне митинга

14. Для того, чтобы оправдать поведение милиции. Власти представили это дело как крайний пример неконтролируемого насилия

проекте Закона о митингах, шествиях и манифестациях в Болгарии, процитированное выше, п. 60; Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 2012 г., процитированный выше, пункт 25; Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 2013 г., процитированный выше, пункт 27; и Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, 2011 г., процитированный выше, пункты 42 и 61.

¹⁶. См. Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, руководящий принцип 5.5 и пункты 171-172 пояснительных примечаний, а также Руководство ОБСЕ по демократическим основам полицейской деятельности, процитированное выше, пункты 65-74.

¹⁷. Как подчеркивал бывший Комиссар по правам человека Совета Европы в письме властям Российской Федерации в ноябре 2011 г., это, кажется, является частью общей схемы поведения со стороны милиции в Российской Федерации, которая часто превышает полномочия при работе на митингах протеста. Точная цитата из письма Комиссара: "Часто применяется сила, порой чрезмерная, участников собраний задерживают и грубо обращаются с ними даже во время мирных мероприятий."

¹⁸. Дело *Абдуллы Яша и других*, процитированное выше, пп. 45 и 47.

со стороны толпы опасных лиц, напавших на сотрудников милиции первыми с камнями, ножами и даже огнестрельным оружием. Свидетельские показания в деле не подтверждают это заявление. Даже если предположить, что этот сценарий соответствует действительности, разгон митинга милицией и сила, которая была применена, являлись бы несоразмерными¹⁹.

15. В принципе, разгон собраний должен являться исключительной мерой, и простое несоблюдение формальных требований к осуществлению свободы собраний не является основанием для применения такой радикальной меры²⁰. Если разгон считается совершенно необходимым ввиду явной и неминуемой опасности общественных беспорядков, правонарушений или других нарушений прав третьих лиц, организаторы собрания и участники должны быть определено информированы перед вмешательством милиции, и им необходимо дать время, чтобы разойтись²¹. В случае разгона демонстраций, прибегающих к насилию, должностные лица правоохранительных органов вправе применять огнестрельное оружие только в целях самообороны или в целях защиты других лиц от неминуемой угрозы смерти или серьезной травмы, а также в случаях, когда менее опасные средства оказались неэффективными²². В указанных обстоятельствах должностные лица правоохранительных

¹⁹. Последующее задержание и содержание под стражей первого и третьего заявителей может считаться обоснованным ввиду предварительного фактического материала, представленного Советскому районному суду г. Махачкалы и Верховному суду Дагестана, который может являться достаточным для соответствия стандарту "обоснованного подозрения" (см. пункты 49 и 88). Отметив скудный характер причин, приведенных национальными судами, мы по-прежнему можем согласиться с большинством судей по этому вопросу.

²⁰. См. дело "Букта и другие против Венгрии" (*Bukta and Others v. Hungary*), №25691/04, п. 36, 17 июля 2007 г.; «Балчик и другие против Турции» (*Balçık and Others v. Turkey*), 25/02 пп. 49-53, 29 ноября 2007 г.; и «Бичиджи против Турции» (*Biçici v. Turkey*), № 30357/05, пп. 55-56, 27 мая 2010 г.; см. также Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, пункт 165 пояснительных примечаний, и Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 2012, процитированный выше, пункт 29.

²¹. См. Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, пункт 168 пояснительных примечаний.

²². Принцип превышения в отношении применения оружия летального действия правоохранительными органами во время публичных собраний представляет собой самооборону. Ссылки на пресечение массовых беспорядков в этом контексте являются вводящими в заблуждение, и их следует избегать (также указание на это толкование см. в Докладе Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, процитированном выше, пункты 138 и 139, и в Руководстве ОБСЕ по демократическим основам полицейской деятельности, процитированном выше, пункт 66).

органов обязаны обозначить себя в качестве представителей правоохранительных органов и сделать ясное предупреждение о намерении применить огнестрельное оружие, предоставив достаточное время для соблюдения предупреждения, за исключением случаев, когда такие действия создают риск смерти или серьезной травмы сотрудников правоохранительных органов или иных лиц²³. Власти не представили Суду доказательств, что эти превентивные меры были приняты милицией до того, как она открыла огонь по демонстрантам. Кроме того, значительное число боеприпасов, использованных милицией, в отличие от элементарных средств нападения, предположительно использованных демонстрантами, явно указывает на несоразмерный характер действий милиции. Даже в сценарии, описание которого привели Власти, действия милиции превышали бы допустимые пределы самообороны.

16. Наконец, необходимо обеспечить достаточные административные меры по обеспечению ответственности правоохранительных органов за применение силы и огнестрельного оружия во время публичных собраний, такие как регистрация боеприпасов и система контроля, а также система записи переговоров в целях мониторинга оперативных распоряжений, ответственных за них лиц и исполняющих их лиц²⁴. Власти даже не предприняли попытку утверждать, что такие меры были приняты в Дагестане.

Вывод

17. Демонстранты в Дагестане переживают тяжелые времена, выступая с публичной критикой администрации. При этом они даже сталкиваются с риском быть убитыми. Задачей Суда является защита свободы собраний и выражения мнения этих отважных женщин и мужчин, а не оправдание непрофессионализма милиции и нарушения закона. Именно поэтому мы пришли к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции также в отношении способа, которым был разогнан митинг 25 апреля 2006 года. Доказательства говорят сами за себя: действия полиции по разгону митинга были равнозначны

²³. Принципы 9, 13 и 14 из Основных принципов ООН, касающихся применения силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов, 1990 г., и Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, процитированный выше, пункт 62. Рекомендация № R (2000) 10 Комитета Министров Совета Европы, который принял Европейский кодекс полицейской этики, не содержит определенных руководящих указаний о применении силы до, во время и после собраний.

²⁴. См. Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 2012 г., процитированный выше, пункт 36, и Доклад о ситуации с защитниками прав человека в Северной и Южной Америке, 2006 г., процитированный выше, пункт 68.

жестокому подавлению демонстрантов. Фактически, это был самый серьезный ущерб, причиненный демонстрантам государственными органами власти государства-ответчика, превосходящий даже предшествующее самовольное поведение районной администрации. Мы не можем закрывать глаза на самый серьезный ущерб в этом деле, поскольку поведение, получающее одобрение, повторяется.